

Элла Озоле

РЕПЛИКА ДИОРА

Краматорск
2018

УДК 821.161.1(477.62)
О47

Озоле, Э. Г.

О47 Реплика Диора [Текст]: рассказы, стихи,
воспоминания / Элла Озоле. – Краматорск, 2018. – 207
с.: ил.

В книгу вошли рассказы, стихи, воспоминания, дневниковые записи разных лет на русском и украинском языке. Для любителей ироничной прозы.

УДК 821.161.1(477) + 821.161.2(477)

© Элла Озоле, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Век рождения – XX-й...

Хочу рассказать о людях, родившихся в XX веке. В их судьбах отразилась история страны, которой уже нет на карте мира. А так как учебники по истории любят переписывать под очередного правителя, они, учебники, вряд ли могут претендовать на объективность.

Надеюсь, что воспоминания отдельных людей помогут родившимся в XXI веке составить собственное впечатление об ушедшей эпохе.

РЕЦЕПТ СЧАСТЬЯ ОТ МАМЫ

Начну, пожалуй, со своей мамы, Вороновой Анны Петровны. Родом она из села Дударово Витебской области. Родилась в семье белоруса и латышки.

Была совсем маленькой, когда пришли раскулачивать. Семья не считалась богатой. Просто, согласно разнарядке, нужно было кого-то раскулачить, и родители мамы попали в этот список. В хозяйстве, состоявшем из нескольких коров, овец и свиней, не было ни одного наёмного работника, справлялись сами.

В этот день дед куда-то уехал. Представитель сельсовета смотрел, что бы реквизировать. Видит – ребёнок лежит, закутанный в большой клетчатый платок. Вытряхнул ребёнка, а платок забрал. Всё это рассказывала мне бабушка Отилия Андреевна. Реквизировали всю живность, косу и борону, чем пахали землю.

Кулаков с семьями отправляли в ссылку на Урал. Мой дед, Воронов Пётр Прохорович, решил уехать в Донбасс, где в годы первых пятилеток строились большие заводы. Так семья моей мамы смогла избежать печальной участи других родственников.

Мамина семья дважды переживала голод. До сих пор она считает хлеб самой главной едой. О тех годах говорит: «Голод 1933-го не помню, а в 1947 году была страшная засуха. Она и послужила причиной голода. Мой отец работал на заводе им. Куйбышева, там давали паёк. Утром, перед работой, мы с отцом шли на речку Торец, ловили рыбу и сушили, а из голов варили похлёбку».

Когда мама училась в фельдшерско-акушерском техникуме, видела, как преподаватель во время лекции выбирает из кармана хлебные крошки и ест. Студентам давали одну буханку хлеба на несколько дней.

Еще ходили в Славянске в ресторан. Там можно было купить одну порцию жидкого (первого), чаще всего рассольник. Удивлялись: огурцы варенные плавают в супе! У нас такое блюдо прежде не готовили. К супу давали два кусочка хлеба. Жидкое съедали, а хлеб бережно несли домой.

Когда кто-то жалуется на жизнь, мама вспоминает, как тяжело было в годы войны и в послевоенные годы. Как сидели в битком набитых погребах во время бомбежек. Потом немцы всех, кого смогли найти, стали загонять в товарные вагоны. Мама прижимала к себе портфель с книжками, а бабушка вырывала его из рук и швыряла в погреб. Все, что успели схватить под дулами автоматов, надо было нести в руках. Но мама не могла расстаться с портфелем и, уловив момент, захватила его с собой.

Двери вагона закрутили проволокой. А тут налетели наши самолеты и начали бомбить товарный состав с военным снаряжением, стоявший рядом. Как выбрались из того пекла, мама не помнила. А портфель так и сгорел в вагоне...

Сразу после освобождения, в 1943 году, начались занятия. Никто не объявлял, дети сами сходились к школе. Сидели на кирпичках, ни парт, ни скамеек не было. Всем, что могло гореть, топили печки. Писали на бумаге, в которую заворачивали снаряды. Находили еще не промасленные куски, используя в качестве тетрадей. Чернила делали из сока бузины.

Сначала преподавали старшеклассники, постепенно их стали заменять присланные учителя.

Большой проблемой была одежда. Решали её обычным для военного времени способом: снимали одежду с убитых (наших и немцев). Моей маме достались два обгорелых рукава от немецких свитеров. Один пепельного, а другой бурого цвета. Несмотря на разницу в цвете, из них получились замечательные, теплые чулки.

Вскоре в поселке открыли мастерскую, где перешивали для женщин и детей солдатские ботинки.

Однажды мы с мамой шли по улице и встретили человека, проводившего соцопрос. Он спросил у нас, что нужно сделать, чтобы в Украине жить стало лучше? Мама без заминки ответила: «Меньше воровать и больше работать!»

С мамой и папой, мне 3 года

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ – К СЧАСТЬЮ

Эту историю поведала мне краматорчанка Наталья Федоровна. Её свекор и свекровь пережили концлагерь, нашли друг друга, потеряли и снова нашли...

Лида жила с родителями в Сталино (Донецке). Когда осенью 1941 года немцы заняли город, ей было 17 лет. Оккупационные власти приказали юношам и девушкам явиться с паспортами в комендатуру, для регистрации. В случае неявки – карательные санкции. Пришедших под конвоем загнали в товарные вагоны и повезли в Германию.

По дороге кое-как кормили. Позже они поняли, почему, - чтобы были силы работать.

Наконец, приехали. Поселили их в лагере при металлургическом комбинате. Особо не охраняли, так как понимали – далеко не убегут. Лида пыталась бежать два раза. Первый раз нашли с собаками, пригнали назад – и в карцер. Второй раз побродила по округе и вернулась сама.

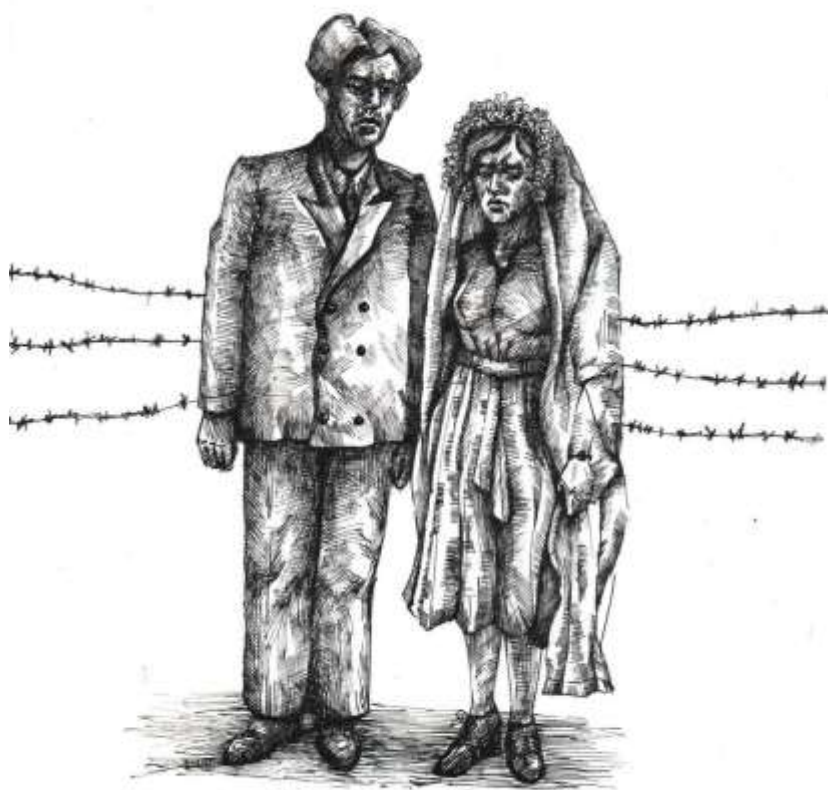
В 1944 году девушке стал оказывать знаки внимания молодой немец. Лида была хороша собой и понимала, что он может забрать ее к себе из лагеря. Защиты, казалось, ждать неоткуда.

Однажды пожилой надсмотрщик отозвал девушку в сторонку и сказал: «Лида, решай: либо тебя заберет к себе эта бестия, либо ты должна выйти замуж за кого-то из своих парней. Петя Гура из соседнего барака давно на тебя заглядывается. Я с ним говорил. Ты ему очень нравишься. Он твой земляк и вообще неплохой парень...»

Лида слушала и не знала, что делать. Старик-надсмотрщик в Первую мировую войну был в плену в России, знал, каково на чужбине, и сочувствовал нашим парням и девушкам.

Говорит, что Петя хороший, но ведь она совсем не знает этого парня... Проплакав всю ночь, Лида утром дала согласие на брак. Старик принес из дома платье дочери и костюм зятя для молодых, нашел служителя церкви, который провел обряд бракосочетания. Было это 29 апреля 1944 года.

В бараке супругам отвели угол, и стали они жить, ожидая конца войны. В начале мая 1945 года у них родился сын. Роды принимал муж. Вскоре их освободили американцы.

Рядом с лагерем протекала река. На одной стороне находились американцы, на другой – советские войска. Американцы предлагали желающим остаться в их зоне. Тех, кто хотел вернуться в Советский Союз, предупреждали, что там их ждут репрессии. Но большинство, а среди них и Петя с Лидой, хотели на Родину. Их переправили через реку, к своим.

«Свои» сразу отделили мужчин от женщин, и начались допросы, в основном, по ночам. То, что у Лиды грудной ребенок, «своих» не волновало. Вопросы задавали одни и те же: «Как попала в Германию? Почему работала на немцев? Почему не совершила побег?»

Затем «освобожденных» женщин повезли на грузовиках к границе. Мужчин построили в колонны и пешком погнали в Белоруссию.

Едет Лида с ребенком в кузове мимо колонны и понимает, что где-то там Петя идет. Написала записку с домашним адресом, скомкала, бросила в толпу. И хотите – верьте, хотите – нет, но Петя эту записку поймал...

Пересекли границу. Женщин и девушек загнали в вагоны и повезли на Родину. Во время стоянок «свои», не церемонясь и никого не стесняясь, насиловали освобожденных прямо на насыпях.

Добралась до родного города, нашла родителей, рассказала историю своего замужества. Поверили ей или нет, но отец посоветовал: «Ты, дочка, никому не говори. Что у тебя ребенок».

Лида решила ехать к родителям мужа, узнать, нет ли весточки от Пети. Нашла их, но встреча вышла невеселой.

Засомневались родители: мало ли что говорит эта женщина с ребенком. Может и не жена она вовсе их сыну.

Не узнав ничего о муже, Лида вернулась к родителям. Те посоветовали ехать в Краматорск, к родне. Там Лиду никто не знает, а значит, и вопросов лишних задавать не будут.

Приехала она в Краматорск, а вечером того же дня умер сын. Завернула бездыханное тельце и поехала домой хоронить. А люди все удивлялись: «Что за ребенок? Спит и спит...»

Со временем Лида устроилась на работу, уже ни на что не надеясь: сын умер, где муж – не известно.

А Петя, пока пешком до Белоруссии дошел, совсем занемог. Ноги распухли так, что пришлось лежать в госпитале. Это его и спасло. Остальных повезли в Сибирь отбывать срок за то, что работали на немцев.

На соседней койке в госпитале лежал капитан. Разговорился он с Петей и предложил служить в своей части. «Только никому не рассказывай, где ты был», - предупредил капитан. Да еще оказался этот добрый человек Петиным земляком. Ехал в отпуск и его с собой взял. Так через полтора года после разлуки супруги встретились, расписались и уже вместе уехали по месту службы Пети.

Вызывает как-то Петра капитан и говорит, что особый отдел начинает интересоваться личными делами служащих, кто да откуда. Подсказал, как демобилизоваться.

Вернулись Лида с Петей домой. И хотя до войны Петя учился в техникуме, пошел «на лопату». Со временем стал начальником проходки в шахте, где и проработал 25 лет. Родилось у супругов ещё двое детей. И только через много лет они рассказали детям, как испытывала их жизнь.

ЖИЛА-БЫЛА МАРИЯ

(Из воспоминаний Валентины Агафоновой)

Истории семьи... Они содержат так много дат, событий, переживаний и легенд. В событиях своего рода человек находит душевную поддержку и понимание своего места в жизни. Если он знает о них, размышляет над ними, изучает, он может обнаружить сильные и слабые стороны своего рода. А узнав их, он научится меняться, преодолевать себя, возвращать уважение к предкам.

В этой истории речь пойдет о нашей бабушке – Черненко Марии Захаровне, затронет прабабушку Лидию и мою маму Надежду.

Бабушка Маруся была большой рассказчицей. Если бы в свое время кто-нибудь из нас записал ее рассказы из жизни нашего рода, сегодня можно было бы издать собрание сочинений в несколько томов. К сожалению, понимание ценности такого наследия приходит с годами, когда и рассказчика-то нет уже с нами. Но... есть память, дающая нам возможность описать события далеких дней.

Итак, 8 марта 1941 года Марии исполнилось 23 года. В свои двадцать три она была замужем за Иваном, у них росла двухлетняя дочь Валентина. А еще Мария знала, что носит под сердцем второго ребенка, который появится на свет в начале лета.

Жили они в поселке Черкасское Славянского района. Улица, на которой стоял их дом, располагалась на возвышенности. Поэтому со двора был виден весь поселок. Внизу, как змейка, пролегла железная дорога.

Весной сорок первого, при виде проходящих составов с военной техникой, Марию охватывало тревожное чувство. Муж Иван прошел Финскую войну, и, что такое война, она знала по его рассказам. К концу весны эшелонов с техникой и солдатами стало проходить все больше и больше. В воздухе стоял запах приближающейся войны.

Мария была на сносях. Скорое появление второго ребенка вызывало в ней двоякое чувство. С одной стороны, ребенок был желанный в их семье. С другой – Марию

пугало, что же будет, если начнется война и она останется одна с двумя малыми детьми?

Второго июня, под вечер Мария управлялась по огороду. Почувствовав боли в спине, она позвала соседку, и та приняла у нее роды. Так появилась на свет моя мама.

Иван прибежал с работы, заскочил в дом, спросил: «Кто?» «Девочка», - ответила повитуха. «Опять», - якобы огорчившись, сказал Иван, снял с себя фуражку, бросил ее об стол и вышел. Сел на пороге и заплакал. Но на самом деле он плакал от радости и счастья, что теперь он стал богаче – у него теперь две дочки.

Дочку называли Надеждой. Может и имя ей дали такое, потому что надеялись на счастливую мирную жизнь. Но все было предрешено. Через 20 дней началась война. В первые дни Иван ушел на фронт, а Мария осталась одна с двумя детьми.

Немецкие войска стремительно наступали, и уже осенью 41-го года линия фронта проходила по Славянскому району.

Когда отступали наши, на железнодорожной станции остался вагон с пшеницей. Понимая, что это все может достаться немцам, жители поселка растащили пшеницу по домам. Мария тоже успела сделать запас пшеницы на первое время. Несмотря на свою молодость, она была женщиной хозяйственной и большой труженицей.

За время оккупации многое пришлось пережить: бомбежки, сырые и холодные подвалы, где прятались с маленькими детьми. Пеленки приходилось сушить, обмотав вокруг своего тела.

Но однажды зимним утром жителей нескольких улиц немцы выгнали из домов и погнали колонной в сторону Славянска. В их числе оказались Мария с двумя детками и ее свекры бабушка Лида и дедушка Игнат.

Маленькую Надю Мария замотала в одеяло и дала на руки бабушке Лиде. У деда Игната была пуповая грыжа, и он не мог поднимать тяжести. А старшей Валюшке было три годика, девочка была уже тяжеленькая, поэтому Мария понесла ее сама.

Мороз выдался сильный. Людей гнали уже несколько часов, гнали в качестве живого щита. Когда подошли к Былбасовке, начало смеркаться. И вдруг Мария увидела, что край одеяла, в которое была замотана Надюшка, выскользнул снизу и из образовавшейся дыры выглядывали посиневшие ножки малышки. Марию охватил ужас. Ноги ребенка были уже совсем холодные. Она схватила девочку, подбежала к немецкому солдату и, показывая ножки, сказала: «Киндер капут».

Немец разрешил ей покинуть колонну, но ведь там оставались родители мужа и старшая дочка. Мария кинулась к ним, начала объяснять, что это ее семья. И тогда немец показал им, чтобы они выходили из колонны и падали в снежные сугробы.

Когда колонна ушла далеко вперед, семейство вылезло из сугробов и начало искать ночлег. Приютили их добрые люди. Накормили. А маленькую Надюшку растерли водкой. Когда ножки стали отходить, девочка громко плакала. А через несколько дней ее тело покрылось фурункулами. Однако любовь к жизни оказалась превыше

всего для этой малышки. Благодаря общим усилиям Надюшку, что называется, «поставили на ноги».

А как же жить дальше? Семья из пяти человек осталась без крова, без куска хлеба, без средств к существованию. Вернуться домой возможности не было, кругом шли бои. Конечно же, в такие сложные времена наиболее остро проявляется взаимовыручка, взаимопомощь. В доме-то приютили, а вот лишнего куска хлеба вряд ли где найдешь. И пошла Мария по домам просить милостыню, чтобы как-то прокормить своих детей и родителей. Идет и плачет: горько и стыдно. Горько, потому что дома осталась и пшеничка, и овощи, заготовленные в подвале. А стыдно – привыкла все зарабатывать своим трудом. Да где сейчас какую работу найдешь?

Однажды Мария решила пойти за милостыней в соседнее село. Дорога проходила через большой луг. С собой Мария взяла маленькую Надюшку, потому что перед уходом свекровь ей сказала: «Маруся, возьми с собой хотя бы Надю. Если тебя убьют, что же мы будем делать с двумя маленькими детками». И вот идет Мария через луг, на руках несет полугодовалую дочку. Вокруг рвутся снаряды, свистят пули. А ей все равно. Думает: «Убьют, так убьют». И только слезы капаят из глаз.

Пришла в деревню, ходит по дворам, просит подаяния. Всем, сквозь слезы, рассказывает, откуда они сами, как оказались в этих краях. Сколько пшеницы осталось дома в закромах, а вынуждена ходить по людям, чтобы как-то прокормить свою семью из пяти человек. И люди делились, кто чем мог: кусочком хлеба, кружкой молока, картошкой. Вот так пришлось выживать.

Когда пришла весна 1942-го года, Марии стало полегче. Ходила по людям, помогала копать и сажать огороды. Ведь работы она не боялась, с детства приучена к труду. Да и это уже не милостыню просить. В качестве вознаграждения Марию кормили, да еще и узелок с продуктами давали.

Каждый раз, когда бабушка нам рассказывала о своих мытарствах в годы войны, мы поражались и восхищались ею. Откуда у такой молодой женщины столько сил?

Почему меня тронул этот эпизод из жизни моей бабушки, и какой урок мы вынесли для себя? Рядом с Марией были более зрелые мужчина и женщина. Но она не спряталась за их спинами и в свои 23-24 года ответственность взяла на себя. Взяла ответственность за двух пожилых людей, двоих маленьких детей и за свою жизнь. И только с годами ко мне пришло понимание, что, взяв на себя ответственность, мы обретаем силу. Мы закаляемся, набираемся жизненного опыта; не опуская рук, сами строим свою жизнь и несем за нее ответственность. А ведь как часто мы привыкли обвинять в своих несчастьях окружающих, не понимая, что наша сила, наша успешность, наша реализация в руках каждого из нас.

Интересен тот факт, что когда Мария мытарствовалась с семьей в Былбасовке, ее муж Иван был совсем рядом. Поскольку линия фронта проходила в тех краях, воинская часть Ивана располагалась буквально в нескольких километрах от Черкасского. Как же ему хотелось попасть домой, увидеть, обнять и поцеловать жену и детей, родителей. Но в поселке были немцы. К тому же, скоро,

каким-то образом, он узнал, что его семью выгнали из Черкасского и угнали в сторону Славянска.

Наш дедушка Иван – Черненко Иван Игнатович – прошел всю войну. Когда вернулся с фронта, в семье родился третий ребенок – сын Николай.

Бабушка Маруся и дедушка Иван прожили нелегкую, но яркую, наполненную событиями жизнь, сыграли золотую свадьбу.

Моя мама Надежда в любой компании была первой плясуньей. Однако с годами отмороженные в детстве ноги дали о себе знать, но мама не сдастся и не сидит на месте. А вся наша семья растет, пускает корни дальше и обрастает новыми, веселыми и грустными, историями. Историями, несущими преемственность от поколения к поколению, связь между прошлым и будущим.

СУДЬБА КАК ИСТОРИЯ

Ольге Антоновне Таранухе исполнилось 88 лет. Очень хочется рассказать о ее жизни, хотя она не депутат и не банкир. Многое из того, что дети изучают в школе на уроках истории, было в ее судьбе.

В начале 30-х годов в село Черкасское Славянского района переехала из Черниговской области семья: отец, мать и две дочери. Отец, Антон Тарануха, стал работать коногоном на мелоизвестковом заводе, жена занималась хозяйством, а девочки ходили в школу. В 1938 году отца арестовали, больше семья его не увидела. Нелегко жить с клеймом «дети врага народа», а что такого вражеского совершил коногон Антон Тарануха – никто не объяснил.

В 1941 году Ольга закончила 7 классов и даже поступила в ФЗУ (так раньше называлось профтехучилище), но учиться не пришлось: уже в сентябре немцы заняли село.

Как жили, что ели, чем топили печку две суровых зимы – об этом можно написать повесть. Село несколько раз освобождали наши, и снова оккупировали фашисты. В апреле 1943 года по дворам стали ходить полицаи и объявлять, кого угонят в Германию. Многое за столько лет забылось, но отдельные эпизоды Ольга Антоновна помнит так ясно, будто было это вчера.

Большинство родителей, провожая детей, не надеялись увидеть их живыми. И только мама Шуры Чаус сказала: «Їдь, доню, хоч світу побачиш!»

Погрузили их в пульмановские вагоны и повезли на сборный пункт, в Сталино. Дали на обед прокисший суп. Одна девушка, попробовав, запричитала: «Ой, мамочка, знала бы ты, чем нас здесь кормят!» На нее прикрикнула надсмотрщица, и все поняли, что испытания только начинаются.

Ехали больше недели. Привезли их в австрийский город Штайр. В трудовом лагере каждому присвоили номер, сфотографировали и дали нашивку «OST».

Работали по 12 часов на автомобильном заводе, кто на станках, кто на прессах. Присматривали за рабочими старики и калеки – почти все здоровые немцы призывного возраста были на фронте.

Больше всего страдали от голода. Кормили более чем скудно: утром 200 гр. хлеба и несладкий эрзац-кофе. На обед суп из брюквы и немного каши. На ужин плеснут баланды на дно миски – и все. Засыпали с мыслью: дожить бы до утра, когда дадут хлеба.

Сначала на работу ходили под конвоем, потом немцы поняли, что бежать рабочим некуда, и уже не сопровождали их. В конце войны стало не так строго, могли ходить за 20 км. просить милостыню у бауэров. Правда, не позволяли выходить за территорию без нашивки «OST». Кого увидят без нашивки, наказывают. Однажды досталось и Ольге. Заставили перестирать все одеяла и грозили концлагерем, который был через дорогу.

Наконец, лагерь освободили советские войска. Встречали их с радостью и надеждой поскорей вернуться домой. Но нелюди встречались и среди наших...

Перед отправкой собирали рабочих из разных лагерей, длилось это не один день. По пути к пункту сбора пришлось заночевать в покинутом доме. Ольга и еще несколько человек расположились на втором этаже, потому что на первом уже спали другие девушки. Ночью подъехал грузовик с нашими летчиками. Пьяные и веселые, они вошли в дом и стали насиловать девушек, не обращая внимания на мольбы и крики. «Вы все под немцами были, - говорили «освободители».

На Родину возвращались в открытых вагонах, в которых уголь возят. Пути еще не все были восстановлены, поэтому ехали медленно. Этим пользовались мародеры, опять-таки «наши». Двое-трое заскакивали в вагон, наставляли на девушек оружие и вырывали из рук узелки и чемоданчики с нехитрыми пожитками.

Дома были мама и сестра. Кто-то из ранее приехавших сообщил, что Ольга жива, и ее с нетерпением ждали родные.

Отношение земляков к вернувшимся из Германии было неоднозначным – часто Ольга слышала в свой адрес ехидный шепот: «Вон, немецкая подстилка пошла». Это было очень обидно, ведь, пройдя немыслимые испытания, она осталась девственницей.

Страна поднималась из руин. Нуждался в квалифицированных кадрах НКМЗ. Ольга Антоновна проработала на заводе до самой пенсии., и, не смотря на трудную жизнь, она не разуверилась в людях.

ЖИЛА, ЯК УСІ ЖИЛИ

(Записано со слов Ольги Петровны Таран, 1924 г.р.)

Батько мій був краснодеревщик. У 1920 році залишився удівцем (холера ходила) з двома дітьми. Поїхав якось у село до сестри і там побачив маму, теж удову з двома дітьми. Мама була сиротою, і її перший чоловік – сирота. А раньше багаті бідним помагали. По смерті чоловіка люди дали телятко. Мама виростила корову, а кобила й лоша були. Так мама й хазяйнувала.

Батько й каже знайомим: «Хлопці, найдіть жінчину, щоб була мені за жінку, а дітям - за матір».

- О-о-о-н ота дівка.

- Та ні, дівці я не нужен. А чого ти мені Дусю не советуєш?

- Так у неї двоє дітей.

- А у мене що, собачата? В мене двоє, в неї двоє – от і буде сім'я!

Сидять, узяли квартиру. Прийшла мама:

- Ну, що скажете?

- Пустіть на квартиру.

- Та не, мені квартирантів не надо. Мені хазяїна треба.

- А я й не хочу бути квартирантом – туди не ходи, там не сядь...

Договорились вони, батько переїхав у село, і стали жити. Я народилась, а після мене ще було двоє братів. Спочатку з батька сміялись – не вмів управляти кіньми. Ні запрягати не знав, ні цоб-цабе. Було, їде, треба повернути, а він кричить: «Налево, налево...». За якийсь час навчився поратись із сільською роботою.

А ще батько робив музикальні інструменти: балалайки, мандоліни. Гітар у нас не було. Тоді балалайка за все відповідала.

У тридцять першому році вже був голод. Ми приїхали в Краматорськ, а люди вербувались на Кавказ. Кавказ спасав Україну.

Хоч папа був на хорошій роботі (начальник цеха ширпотреба), але не вмів горлохватить, робив чесно. План узяли, хотіли строїться, а тут війна. Поліцаї весь матеріал розхватали. Батькові був 51 год, а пішов сам. Казав: «Мене як комуніста тут розстріляють. Хоч на фронті пропаду». Пропав безвісти на сталінградськом направленні.

У сентябрі вже німці в городі були. А люди - і больні, і ранені.. Лікарів не було. Ніхто нами не нуждався. Ліки брали за харчі, бо гроші не ходили, хоч у нас їх і не було.

На Новом Светі жила одна дівчина, Поля. Видала всіх комсомольців. Мене викликали на допрос у гестапо, питали про батька. Чи боялась? Боялась. Отут, де сквер Героїв, де тепер банк, стояла шибениця.

Брата Волю забрали в Німеччину, а він пішов у Сопротивленіє, в інтернаціональний отряд. Робили диверсії у Кьольні, Дортмунді, Аахені. Видали їх. Схопили і повішали. Вигнали з лагерів людей, щоб дивились.

Другий брат, Жора (1926 р.н.), ходив по селах шмотки мінять. А під Сергеевкой були бої, у хатах шибки повилітали. Треба було постеклити вікна за пшеницю. У селах ховались воєнопленні. Жора їх переводив у ліси під Красним Лиманом.

Я ходила на отместку в поліцію. Якось вночі прийшли, арештували і на вокзал. А там уже ждали вагони. Стрілась я у вагоні з усіма подружками. Стояли ніч і день, а наступної ночі поїхали. Везли нас у телячому вагоні, стоячи. У Польщі зробили санобработку. Мазали квачами, щоб у Німеччину ніяку заразу не привезли.

Увесь ешелон доставили на окраїну Берліна. Дівчата-коменданти, забрані раніше, підказали, де статъ: «Отут будуть на фабрики братъ, а тут – у домашні робітниці.»

У Німеччині я була з іюля 1942 по сентябрь 1945. Робила у професора служанкою. У 1943 році одвезли мене у Кассель до їхніх батьків, бо англїчани дуже бомбили фосфорними бомбами. Їжу всі получали на польовій кухні. Там зустріла своїх краматорчан, захотїла до них. Пішла на біржу труда. Мене питають:

- Підете до хазяїна на село?

А я ніколи на землі не робила, та думаю: люди роблять, і я навчуся.

Боїв там не було. Познайомилась із хлопцями пленними. Хлопці голодні. Я варила картоплю кролям, клала в сумку і носила нашим. Раз прийшли вони вночі і взяли два мішка картоплі. Сховали під підлогу і варили вночі, наче виварювали білизну.

У 45-ом, помню, їде танк, а в ньому – негри. Тоді я вперше негрів побачила. Вони кричать: «Вивішуйте білі флаги, щоб по вас не стрїляли!»

Хлопці, що їх підгодовувала, приїхали подякувать, тоді питають:

- Олю, що тобі привезти?

Привезли маленькі часи і отрез матерії.

Звільняли нас американці. Додому їхали знову в телячих вагонах. Ніхто нас не годував. Їли, що в кого було. Та їсти й не хотїлось – хвилювались дуже, не вірилось, що додому їдемо...

КАК ЭТО БЫЛО

Александр Иванович Шумский родился 16 июля 1945 года в Белгородской области, слобода Никитовка (около г. Валуйки). Воспитывал его дядя, и был Александр тринадцатым в дядиной семье.

В школу во втором классе ходил за 6 км, а потом в другую – за 7 км, пешком зимой и летом. Уже с марта бегали босиком, потому что обуви не было. Зато было много волков. Не передали, хлеб видели в неделю раза три.

В 1963 г. поступил в Харьковское танковое училище. Дедовщины не было. Почти все педагоги прошли войну. До сих пор Александр Иванович помнит многих. Например, предмет «Материальная часть» читал майор Енин, танкист-фронтовик. На практические занятия приносил было разные болты, гайки... Перемешает и говорит: «Курсант Шумский, в увольнение хотите? Идите к барьеру!» Подходишь к столу, с завязанными глазами выбираешь любой болт, и нужно правильно его охарактеризовать.

- Что за болт? – спрашивает преподаватель.
- Регулировочный болт к топливному насосу.
- Какой ключ подходит? – не унимается майор

Енин.

- 17 на 22.

Закончил Александр Шумский училище с отличием в 1966 г. Его, как и других отличников, направили в группу советских войск в Германии. Начал службу командиром танкового взвода.

К вторжению в Чехословакию готовились с мая 1968 года. Вот как об этом вспоминает Александр Иванович.

«Вывели войска на юг Германии. Сделали объемный план Праги, примерно 300 на 200 метров, и детально изучали его. Наша задача была блокировать Генштаб. С 22 на 23 августа в 23.00 получили команду: «Вперед!» Пересекли границу. Чехи, видимо, не поняли, что это вторжение – в то же время проходили учения войск

СЭВ¹. Преодолев перевал, вышли на трассу Берлин – Прага. Я был в головном дозоре, километров на 20 впереди всех.

Десантники вошли в Прагу в 3.30, а мы – в 5.00. Объяснили нам, что если до утра не войдем в город, то войдут войска НАТО. «Поможем дружескому народу!»

Стоим на Вацлавской площади. Пришла команда: «Не стрелять!» Мы должны были только отвечать на выстрелы. Подходили пожилые люди, угощали, благодарили и убегали. Стоим. Часов через пять услышали гул. Появилась огромная толпа. Пока она прошла мимо нас, многие танки были исписаны призывами: «У....те в свою Москву!» Запомнилась надпись на транспаранте: «Ленин, проснись! Брежнев с ума сошел!» Стали летать наши самолеты на бреющем полете.

У нас был сухой паек, но мы не имели права вскрывать его без команды. С туалетом тоже были проблемы – ходи, куда сможешь.

Простояли мы в Праге три дня, и нас сменили. Отправили патрулировать город Бенешов, а позже перевели в Словакию.

В марте 1969 г. возвращались в Восточную Германию. Вальтер Ульбрихт² пригласил советские войска назад и оплатил переезд».

¹ СЭВ - Совет экономической взаимопомощи - межправительственная экономическая организация, действовавшая в 1949—1991 годах. Создана по решению экономического совещания представителей Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии. Штаб-квартира СЭВ находилась в Москве.

Участие Александра Ивановича Шумского в событиях 1968 года отмечено медалью «За боевые заслуги». В сопроводительном документе указано: «За мужество и героизм, проявленные при оказании помощи братскому чешскому народу».

Потом была Туркмения, целина, Африка и много чего ещё, но и сегодня Александр Иванович строен, молодцеват и выглядит значительно моложе своего возраста.

² Вальтер Эрнст Пауль Ёльбрихт - руководитель Германской Демократической Республики с 1950 по 1971 гг.

ГАЛИНА ШКОЛА

Родилась эта удивительная женщина 1 июня 1938 г. Отец работал в карьере, камни дробил. Был репрессирован по разнарядке и через неделю расстрелян в Донецке. Воспитывала ее тетка, родная сестра отца, Вера Петровна.

Из ранних воспоминаний детства... Ноябрь. Холодно. Гале – 3 года. Пальтишко на ней из баракана, сатиновое платьице, чулки с веревками. Матерчатые тапки. Подошва из приводного ремня, что на шкив надевают.

Из Константиновки в Краматорск добираются в кузове грузовика, полным немецких солдат...

Подросла, пошла в школу и вскоре заболела. Долго лежала в больнице. Считает, что осталась жива, благодаря врачам: Лернер Фаине Исааковне и Авербух Виктории Иосифовне.

О том, что отец репрессирован, не знала до 40 лет.

О своей жизни Галина Школа говорит так: «После болезни врачи не разрешили учиться в школе целый год. Поэтому я читала, все подряд: «Овод», «Американская трагедия», Джек Лондон, Диккенс, Гюго – в общем, много всего взрослого. В тот год ходила на курсы кроя и шитья, научилась вышивать крестиком и гладью, штопать.

Потом снова пошла в ОШ №1, в 7-й класс. Закончив школу, поступила в Маштехникум. Училась хорошо, со стипендией. Специальность называлась «Технология обработки металлов резанием». Распределилась на НКМЗ, направили в механический цех № 9 фрезеровщицей. Работала в три смены, добиралась электричкой».

Спустя восемь лет, стала инженером по подготовке рабочих кадров механического цеха № 7. Без отрыва от производства Галина закончила вечернее отделение Краматорского индустриального института (КИИ).

В 1967 году была переведена в отдел технического обучения кадров, где занималась повышением квалификации рабочих, а потом руководящих работников, научных кадров и специалистов для работы за границей.

Можно и дальше перечислять вехи биографии этой миниатюрной женщины, но хочу сказать, что ее неутомимости, интересу к жизни, умению решать проблемы ДРУГИХ людей стоит позавидовать. Сколько раз я слышала, как советовали отчаявшимся людям: «Иди к

Школе, она обязательно поможет!» И Галина помогает, и не отступится, пока не «разрулит» ситуацию.

Часто обращались родные осужденных: помочь пересмотреть срок или выступить с ходатайством о помиловании перед Президентом. Кстати, до того, как Янукович стал президентом, ходатайствовать о помиловании могли общественные организации. Янукович это положение отменил.

Как-то одну из школ города хотели закрыть. Родители обратились к Галине – и школу отстояли, работает до сих пор.

Возвели напраслину на двух сотрудниц Центра метрологии и стандартизации. Им грозила статья, срок по которой - от 8 до 12 лет. Благодаря Школе, все обвинения с женщин были сняты. И это только несколько примеров.

А знаете ли вы, какого труда стоит сегодня издать сборник стихов разных авторов? Усилиями Галины Школы издано пять сборников стихов поэтесс Краматорска.

Творческие люди – необязательный народ. Их стихи нужно собрать, очень осторожно отредактировать, добиться от каждой поэтессы фотографии и несколько строк об авторе, потом найти деньги, типографию – и вот она, ПРЕЗЕНТАЦИЯ очередного сборника!

Дай Вам Бог здоровья и долгих лет жизни, Галина Школа!

МОЙ ПРАДЕД ДУКОВ ГРИГОРИЙ

(Воспоминания записал правнук - Дмитрий Лигостаев)

Благодаря бабушке Алле, я узнал о жизни своего прадеда. Он умер за два месяца до моего рождения, 15 февраля 1998 г. По его биографии можно изучать историю.

Родился он в 1918 г. в семье болгар. Жил с родителями в селе Надеждино Приазовского района Запорожской области.

Еще в XVIII веке несколько тысяч болгар, спасаясь от турецкого ига, поселились в этих местах. В школах преподавали на болгарском языке. Еще в 1964 г. там говорили по-болгарски.

Отец моего прадеда, Поликарп Дуков, был слаб здоровьем, работать тяжело не мог, приобрел профессию ветеринара. Нашли ему жену, хоть из бедной семьи, но физически крепкую (легко грузила мешки весом в 50 кг). Звали ее Варварой (девичья фамилия – Хаджиева). В семье было пятеро детей. Занимались сельским хозяйством: выращивали овощи, пшеницу, рожь, держали коров и овец.

Однажды ночью, в 1934 г., прибежал родственник и сообщил, что их семью будут раскулачивать. Взяли, что смогли, из вещей и вместе с детьми отправились на Еленовские рудники - теперь город Докучаевск.

Григорий был маленького роста, поэтому его не принимали в фабрично-заводское училище (ФЗУ). Он подставил ящик, чтобы казаться повыше, и его приняли.

С 1939 по 1945 служил в Красной Армии, принимал участие в Финской войне и Великой Отечественной.

Когда началась война, прадед со своей воинской частью отступал и видел, как много погибало людей в 1941 г. в Краснолиманских лесах, недалеко от Краматорска. Отступление продолжалось. Григорию было тяжело еще и потому, что в Донбассе остались его родители, которых он не мог защитить. В оккупации умер его отец.

Когда прадед с остатками батальона спрятался в керченских катакомбах, они делали вылазки, нападая на фашистов. Враг обстреливал все выходы из катакомб,

травил защитников газом и пытался уничтожить огнеметами. Там погибло много наших солдат, но оставшиеся продолжали воевать. В катакомбах он пробыл несколько месяцев, и во время одного из наступлений советских войск их освободили. За оборону Керчи прадеда наградили орденом Красного Знамени.

Григорий Дуков был трижды ранен, но выжил, т.к. был физически крепким.. После выздоровления - снова передовая. После третьего ранения Григория отправили на ускоренные курсы по обслуживанию боевых самолетов. Он стал механиком 805 штурмового ордена Суворова третьей степени авиаполка Белорусского фронта. Прадед обслужил 758 вылетов боевых самолетов и 124 вылета на перегонку с одного аэродрома на другой. Лично отремонтировал 61 пушку, 59 пулеметов, восстановил 5 тросовых проводок бомбардировщиков. Работал, в основном, ночью. Ремонтировал самолеты часто без необходимых инструментов и материалов, проявляя инициативу и смекалку. Всего на ремонт самолетов у него ушло 850 человеко-часов.

У моего прадеда много наград, особенно он дорожил медалями «За боевые заслуги», «За отвагу» и «За оборону Кавказа», которыми его и других солдат наградили за храбрость в боях и при форсировании рек, а также за то, что не сдали немцам Кавказ.

Есть у прадеда и медаль «За победу над Германией». Он не принимал участия во взятии Берлина, но прошел с боями от Красного Лимана до Керчи, наступал до самой границы СССР, потом освобождал от фашистских захватчиков Польшу, Румынию, Венгрию. В небольшом венгерском городке встретил со своим полком День

Победы. Узнав о капитуляции Германии, офицеры и солдаты выбежали на улицу, стреляли в воздух, радовались и кричали: «Конец войне! Конец войне!»

По воспоминаниям родных, прадед редко говорил о своем боевом прошлом, не любил он и фильмов о войне.

Его имя вписано в Книгу Памяти Донецкой области.

После войны вернулся в Докучаевск и работал машинистом экскаватора до выхода на пенсию.

МУЗЫКАНТ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Лихие 90-е, невнятные 2000-ные вынудили изменить свою жизнь многих людей. Рынок мобилизовал интеллигенцию и в прямом, и в переносном смысле. На базаре стали работать инженеры, врачи, музыканты, преподаватели, экономисты и прочие, и прочие... Но были среди них и такие, которые пытались приспособить старую профессию к новым экономическим условиям. Например, некоторые музыканты отправились в близкое и далекое зарубежье.

Александр – преподаватель по классу гитары в музыкальной школе. В 2002 году улетел на Тайвань. Заключить контракт помог земляк. Девушка из Краматорска, которой Александр должен был сопровождать, отправилась десятью днями ранее. Когда наш преподаватель прибыл на место, оказалось, что барышня уже работает и в его услугах более не нуждается.

Стал он сам трудиться в огромном парке, где представлены «островками» разные культуры: китайская, индийская, индонезийская... На каждой площадке – ресторан с национальной кухней, костюмированные песни-пляски и музыка. Привозят туристов автобусами, водят их экскурсоводы от одной площадки к другой, так что музыкантам недолго продержаться надо – минут 20. Потом толпа дальше бредет.

Александр (потому что белый) был представителем западной культуры, европейской, так сказать. Выучил английский, он в общении очень помогал.

Случайно познакомился с американцем. Тот ему говорит: «У тебя любовниц местных будет – сколько хочешь! Потому что ты – белый. С белым отношения иметь престижно». Короче, традиции Чио-Чио-Сан отнюдь не устарели, а наоборот.

Александрю пришлось работать и в ближнем, и в дальнем зарубежье. Но нигде своей специальности он не изменял – так и работал профессиональным гитаристом.

Есть хорошая пословица: «Старики и дети – всем родня». О жизни пожилых людей написано немало. И что интересно – придумывать ничего не надо. Просто записывай истории, рассказанные разными людьми.

Что я и делаю.

ЛЮБИНЫ БАБУШКИ

Есть у меня подруга, сплошная история. В смысле, с ней постоянно какие-нибудь истории случаются. До школы воспитывалась она в селе у бабушек. Вот что я узнала о бабушке Марине и бабушке Паше.

Бабушка Марина

Марина Васильевна — папина мама. Отец не хотел отдавать её за Фёдора, Любиного деда. А Фёдор построил дом и забрал Марину. Был он одного года со Сталиным.

Очень любил свою жену. Утром перед работой спросит: «Марино, що робить?» Справится по хозяйству, потом за ним приезжает «бобик» - и на работу. Долгое время дед возглавлял колхоз.

Мама подруги была из бедной семьи. Люба говорила об их недостатках: «Два ботинка на одну ногу, жёлуди жрали». Поженились они с Любиным отцом, прожили какое-то время и решили уехать в город, а Любу оставили у родителей. Девочка очень скучала. Бабушка Марина брала её вечером на руки и, указывая на звёздное небо, говорила: «Ото, бачиш, місяць? То твій тато. А он та зіронька – то твоя мама».

Лекарств бабушка Марина не признавала, все болезни лечила водкой. Если у кого-то из детей кашель, она наливает столовую ложку водки и даёт выпить: «На, ковтни. Воно запече і пройде!»

Доживала у сына. Приедет Люба к родителям, а бабушка Марина просит:

- Любка, мені таблетки не помагають. Привези мені півлітру. Вип'ю – нічого не болить! Рука і нога спить!

Люба тайком от родителей привозила водку и прятала бутылку под перину. В один из приездов подруга присела около бабушки, а та давай каяться:

- Ой, Любка, я тебе так підвела! Напилася, як та сучка, і упала з крОваті! Ті за городом наглядають, прийшли в хату, думали, баба вмерла, а я - п'яна.

Люба говорила о ней: «Дожила бабушка Марина до 90 лет. Умирала в полном умственном здравии, а по маминой линии у всех с головой непорядок».

Бабушка Паша

Прасковья Митрофановна – мама Любиной мамы. По словам Любы, «була вредна, кругом свій п'ятак всуне». Замуж выходила несколько раз. Первый муж умер, второй пропал без вести на фронте. Третий, учитель, тоже умер от чахотки. Потом она вышла ещё за кого-то, а потом – за Лубенца. Однажды они сильно поругались, и дед изрубил бабушку Пашу топором. Семнадцать ран насчитали. Бабушку еле живую отвезли в больницу, а Лубенец испугался, что его посадят за убийство, пошёл и повесился.

Паша долго лежала в травматологии, но выжила. В конце жизни у неё, по словам Любы, «поехала крыша». Бабушка с трудом узнавала близких, что не мешало изводить их и вредничать. Приезжает Люба в гости:

- Бабушка, здравствуй!

- Молодичка, ти чия? Лічність знайома... Ти не з Брашківки?

- Та я ж твоя онука!

- Ага... І синок у тебе Дімка...

Хотела, щоб всё было, как она скажет.

- Любка, зроби мені товканы'цю! І положи на блюдец!

Люба сварила картофельное пюре и подала еду на тарелке. Бабушка Паша глянула и поджала губы:

- Я казала: на блюдці! І це не товканы'ця!

Позвонив маме, Люба узнала, что нужно было пережарить лук с маслом и заправит толчёную картошку. Тогда это будет товканы'ця.

31 июля 2011 год

ЗДРАВСТВУЙ, БАБУШКА!

Дуся – это бабушка моего мужа. Всей семьёй (я, муж и дочка Маша) мы едем к Дусе с визитом вежливости. Лично я ничего не имею против бабушек – старики и дети всем родня, но решение о поездке встретила без энтузиазма. И вот почему. Недавно свекровь поведала историю о ремонте в Дусином флигеле.

Дело было зимой. Вскоре после смерти дедушки Дуся объявила двум дочерям, что ей одной в доме страшно, поэтому во флигеле СРОЧНО надо сделать ремонт – она туда квартирантов пустит. Как ни убеждали бабушку, дескать, зима – не самое лучшее время для ремонта, Дуся постановила: пусть хоть камни с неба, а ремонту быть.

Не буду вас утомлять подробностями этого мероприятия, скажу только, что дочери, приняв задачу к исполнению, за зиму её выполнили.

- Всё, мама, можешь пускать квартирантов, - сказали чада, сдав объект.

- Ну, уж нет! Они мне всю красоту зачадят, закоптят, затопчут. Лучше я на него любоваться буду, а летом внук с женой и правнучкой приедет, во флигеле им отдыхать сподручней.

И вот мы едем Дусю проводить, Машу показать и во флигеле отдохнуть. Выдвинулись пораньше, потому что «тополиный пух, жара, июль». В девять утра вошли во двор.

- Здравствуй, бабушка! – сказали мы хором.

- Как хорошо, что вы приехали, поможете телевизор разобрать, - обрадовано воскликнула Дуся.

Муж разделить её радость был не готов.

- Какой телевизор? – мрачно спросил он.

- Старый. Иди, сейчас мы его вынесем, в тенёчке пристроим и быстренько разберём. А я на металл отнесу.

Муж решил не сдаваться:

- Дуся, ну, сколько ты за рухлядь выручишь? Ерунду. Давай я тебе за него в четыре раза больше дам, а телик просто на свалку выбросим.

- Нет, внучек. Деньги дашь – это хорошо, положи вот сюда, мне в карман. А телевизор – не рухлядь, там цветнина, - ответила Дуся. Последнее слово она произнесла так, будто речь шла о копиях Соломона.

Разыскав скамеечку, я молча принялась отвинчивать детали. Чуть позже ко мне присоединился муж. Солнце припекало. Два раза нам приходилось передвигаться в тень, заодно перетаскивая скамейки, детали и то, что ещё осталось от телевизора.

Не прошло и полутора часов, как злополучный телевизор был разобран. Даша, побродив по двору, унеслась в сад. «Ну, сейчас нас накормят, потом можно и во флигеле отдохнуть», - сказал муж. Он позвал Дашу. Даша прибежала с яблоком в руке. Как оказалось, это было ошибкой. Дуся увидела яблоко и запричитала:

- Дождик-то забыли, когда и был... Яблочки от засухи сыплются... Не по-хозяйски это, собрать бы...

Услышав камлание, мой муж подхватил корзинку и молча пошёл собирать яблоки. Да последует жена за мужем своим, как нитка за иголкой..., и я последовала.

В четыре руки мы завершили сбор довольно быстро и пребывали в абсолютной уверенности, что заслужили право на обед и отдых. Поставили ёмкости, разогнули занемевшие спины и увидели Дусю. Она поставила перед нами таз ведра на три и вручила ножи. «Я к Марии с предложением, я на выдумки мастак...», - не к месту процитировал Высоцкого муж. Яблоки совершенно необходимо было срочно нарезать козам. Во-первых, сочный корм, и «чтоб не пропали». Мы нарезали.

Тут я осмелела и внятно спросила у бабушки на счёт поесть.

- И то правда, солнце уж вон где, а вы с утра не евши, - легко согласилась Дуся.

- Давайте яичницу пожарим на сале, - предложила я.

- Та шо та яичница! Мы сейчас с тобой пельменей налепим. А ты, внучек, пока у коз почисть да у кур в сарае.

Одна мысль, возникающая в голове Дуси, рождала следующую и вызывала к жизни воспоминания о славных комсомольских буднях, субботниках и прочих прелестях, которыми так богата молодость.

Внучек тем временем остервенело ковырял навоз, напоминая Геракла в авгиевых конюшнях, и вздумай этот герой с ним тягаться, мой муж вышел бы победителем. Я решила больше не следовать за мужем, как нитка за иголкой, – в конце концов, это ЕГО бабушка!

Налепила пельменей и решила привлечь внимание Дуси к правнучке, за которой она якобы соскучилась.

- Бабушка, вы хоть с Машей посидите да посмотрите на неё.

- А чего на неё смотреть – Маша как Маша, - откликнулась Дуся, гоняясь за непослушной курицей.

Когда несущка была поймана, Дуся пошла на задний двор принимать работу.

- Ой, а тут, оказывается, асфальт есть! - радостно удивилась она.

- Ну, а теперь..., - проговорила бабушка...

Сразу скажу, закончить ей не удалось. Мы с мужем, не сговариваясь, хором вспомнили о тех неотложных делах, которые ждали нас дома. Я даже удивилась нашему единодушию. Муж наспех смыл сарайное амбрэ, и через пять минут мы были готовы.

Ещё четверть часа пришлось уговаривать Машу. Она завела тесную дружбу с козами, а Дуся, вдобавок, разрешила ей вынимать яйца из гнёзд. Короче, ребёнок наотрез отказывался покидать сей благословенный уголок.

Уж не припомню, как мы разрулили ситуацию, кажется, пообещали купить марокасы. Зато чувство глубокого удовлетворения, которое мы испытали, усевшись в автобус, я не забуду никогда.

Муж и дочка от избытка впечатлений впали в глубокий сон, а меня донимали мысли о том, как это прежде я не понимала значение фразы «чувство глубокого удовлетворения». Помню, во времена Союза в газетах то и

дело мелькало: «С чувством глубокого удовлетворения встретили трудящиеся». Был ли это указ какой-то или решения очередного съезда – неважно. Для меня фраза оставалась пустым звуком, клише, и только визит к Дусе наполнил её смыслом.

С тех пор у нас с мужем есть пароль на все случаи в жизни. Произносится к месту и не к месту, да и понятен он только нам. Если возникает необходимость выразить своё возмущение, разочарование, удивление и прочие эмоции, мы просто говорим: «Здравствуй, бабушка!»

17 января 2010 года

КАК УМИРАЛА БАБУШКА ШУРА

Жила-была бабушка Шура. Семейная легенда гласила, что когда-то училась она в институте благородных девиц, поэтому иногда её «пробивало» на хорошие манеры. Проявлялось это по-разному. Например, пересыпала речь словами из прошлой жизни. «Сударыня, что же Вы мне пенсию поздно принесли? Я же на рынок теперь не успею!» - пеняла бабушка почтальонше Зине. На «сударыню» Зина обижалась: «За что Вы меня ТАК? Деньги только час назад привезли».

Внуку, заигравшемуся в футбол, Шура строго говорила: «Милостивый государь, пора и честь знать! Марш за уроки!» Потом садилась в кресло-качалку, курила пахитоску и рассказывала о фамильном серебре.

Однажды бабушка Шура позвала дочку и объявила: «Я буду умирать». Сказано было без восклицательного знака, спокойно, но твёрдо, как о деле совершенно решённом.

В семье к Шуре относились почтительно. Она говорила соседкам: «Невестка меня уважает» или «Зять со мной считается». Любила бабушка выпить стопку водки за обедом «для аппетита» или домашней наливки, «чтоб спалось лучше». Хранились эти вспомогательные средства в буфетном шкафчике, достаточно высоко. Наливка – в старинной бутылке тёмного стекла, водка – в графинчике одного с бутылкой возраста. О самом буфете тоже нужно пару слов сказать. Это Шурино приданое. Отец заказал буфет знатному краснодеревщику. Сначала мастер нашёл в лесу сухие груши, срубил их и еще два года сушил в сарае.

Потом за три месяца изготовил буфет с резными дверками и полочками для посуды. Как изделие пережило военное лихолетье – уму непостижимо! Золотисто-розовый буфет Шура дважды в год натирала скипидаром и воском. Прежде она до самого высокого шкафчика дотягивалась, а с годами рост её уменьшился («вниз расту», говорила), и чтобы достать бутылку или графин, приходилось подставлять ослинчик – маленький табурет.

Ещё у Шуры была привычка подробно рассказывать о незнакомых людях так, будто все остальные их тоже знали. Например, говорит Шура внуку:

- Я у бабы Насти пять крышек для закрутки брала. На вот, отнеси ей да «спасибо» скажи!

Внуку бы взять эти крышки, спросить у матери, какой бабе Насте, и отнести по адресу. Но внук, думая о чём-то своём, опрометчиво уточняет:

- Какой бабе Насте? Что возле магазина живёт?

- Да нет! Возле магазина – баба Нюся, у которой мы груши покупаем. Она их на чердаке в сене держит. К декабрю вылежатся – сладкие, как мёд! А баба Настя под горой живёт, где Федька-хромой коз привязывает.

- Федька-хромой? – переспрашивает внук, силясь вспомнить этого самого Федьку.

- Ага, Федька! У него ещё жена Валентина, медсестра в амбулатории. Помнишь, она тебе укол делала, когда ты в речке весной купался и заболел?

- Не помню, - отвечает этот Кандид Простодушный.

- Как не помнишь? Аккурат, на 1-е мая! Гришка, Ивановны сын, из Норильска приехал. У вас, говорит, жара, купаться впору, а у нас снег лежит.

- Из какого Норильска? – обескуражено вопрошал внук.

- Из какого, из какого?- передразнила бабушка Шура. – Что на Севере! Гришкина невеста за евойного дружка как замуж выскочила, так он в Норильск на заработки и подался...

Это был натуральный сюрр! И мог он продолжаться до бесконечности. На поворотах замысловатого сюжета мелькали медовые груши, бывшие невесты, Федька с козами, медсестра с уколами, а искомые крышки бесследно терялись в глубинах повествования.

Но вернёмся к Шуриной объяве. На семейном совете было решено: гроб заранее покупать не будут, а вот оградку на заводе закажут. Поставят потом в гараж, готовую, пусть дожидается.

Бабушку Шуру старались ничем не огорчать в её последние дни. По комнатам ходили тихо. Ночевали в доме или сын с невесткой, или зять с дочкой. Однажды, когда все заснули, часа в два ночи раздался страшный грохот, звон разбитой посуды, стон...Дочка с зятем кинулись в комнату бабушки Шуры. Глядь – нет её в кровати. Метнулись в кухню. Щёлкнули выключателем. И предстала перед ними картина Репина «Не ждали». Шура висела на буфете, ухватившись руками за дверки. Ноги болтались в воздухе, тщетно пытаясь нащупать опору. На полу валялся перекинутый ослинчик и брызгами вокруг - разбитая посуда.

Вы, наверно, представили, как, жмурясь от яркого света, бабушка Шура зовёт на помощь? Вот и не угадали! Она сказала: «Доча, тут, в шкафчике, всегда наливка стояла. Ты что, переставила? Я заснуть не могу!»

«Мама! Чтоб Вы были живы!» – крикнул зять. И, помолчав, добавил: «Скажите мебельному мастеру спасибо. Хрен бы Вы на НОВОМ буфете удержались!»

Человек, подаривший эту историю, не смог сказать, сколько ещё прожила бабушка Шура, но что оградка в гараже проржавела, и её выкинули за непригодностью, помнит точно.

31 июля 2011 год

ЗВЕЗДАРИКИ НА КРАСНОМ ШАРИКЕ

Нюра снова набрала Лёнчика. «Сбрасывает. Вот зараза! Завтра на свадьбу тарахтеть, а песни не прогнали», - беззлобно подумала Нюра и в который раз попыталась дозвониться. Лёнчик неожиданно ответил. В трубке очень громко звучал гимн Украины. Лёнчик сдавленно прошептал: «У меня тут похороны. Позже перезвоню». И отключился.

Нюра пыталась анализировать информацию. Угу. Похороны. Во Дворце культуры имени Чехова. А гимн там каким боком? Точно напился! Хотя не должен – завтра свадьбу играть, в смысле, петь.

Лёнчик перезвонил в половине первого ночи. Абсолютно трезвым голосом заверил, что всё тип-топ, звездарики на красном шарике. Не переживай. Спи спокойно, дорогой товарищ. Детали завтра.

Свадьба была в Димитрове. И даже не в самом Димитрове, а в какой-то аж Новосемёновке или Старовасильевке. Короче, чёрт знает где. «Работали» свадьбу обычным составом, то есть втроём: Лёнчик, Мамо и Нюра. Лёнчик – главный музыкант, отвечает за всё, что играет. Ему 23 года. Он толстый, весёлый, добрый, ответственный. В пределах вида, конечно. Всех женщин старше 35 называет «Мамо».

Мамо, она же тамада, она же Наташа. Ей - хорошо за тридцать. Она актриса. Достаточно маленькой шпиргалки, где, кроме имён молодых, указано «кто кому Вася». Никакого сценария! И всё проходит на «ура!»

Однажды их позвали на свадьбу, где то ли крёстным, то ли просто отцом был некий «авторитет». Все гости уже по второму разу «горько!» кричат, а один длинный стол пустует. «Тут, как в сказке, скрипнула дверь...», и в зал вплыли крутые пацаны в спортивных костюмах, с барсетками и непроницаемыми лицами землистого цвета. Степенно расселись за столом. Спиртного не пили, чем сильно контрастировали с остальными.

Мамо, которая Наташа, решила - во что бы то ни стало гостей объединить. А тут пришло время ряженных: кто Доктор, кто Цыганка... Тамаду, ни с того ни с сего, посетила идея нарядить одного «крутька» Снегурочкой. Подбегает она к жертве и начинает стаскивать спортивный костюм, предлагая взамен белоснежное платье Снегурочки. Жертва упирается, но Мамо уже пару рюмок на грудь приняла, и нет ей укороту. Натягивая узкое платье, парень сокрушённо качал головой и приговаривал: «Эх, не пацански это, не по понятиям...»

А на второй день свадьбы Лёнчик слышал, как вчерашний ряженный жаловался кому-то: «Я всю ночь не спал, боялся, что пацаны придут, опускать меня будут».

Нюра на свадьбе песни на разных языках поёт. В общем, как в том фильме: «Если надо, милый, я и по-корякски могу».

Свадьба прошла хорошо – народ попался душевный, звёздами не избалованный. Сыты, пьяны и нос в табаке. По дороге домой Нюра спросила: «Лёнчик, что за похороны были, если на них Гимн Украины звучал?» Услышав

вопрос, Лёнчик оживился, стал размахивать руками, будто отгонял неприятные воспоминания, и поведал вот что.

Последнее время директор Дома культуры ходил задумчивый. День и ночь размышлял, как вверенный ему очаг культуры может деньги зарабатывать. И так уже площадь сдаёт кому ни попадя! Свидетели Иеговы конгрессы проводили, Амвэй и прочие Орифлеймы опытом обменивались, молдаване трусы-носки-лифчики продавали, но всё это – уже вчерашний день.

НАВЕРХУ посоветовали мыслить масштабнее и в городской бюджет отстегивать солиднее. А в ста метрах – серьёзная контора, филиал министерства. И не было бы счастья, так несчастье помогло – приказал долго жить один очень заслуженный господин, чуть ли не второе лицо в этой конторе. И упал взгляд коллег безвременно усопшего на Дворец культуры. Решено было гроб с телом поставить в холле, чтоб не хуже, чем в столице!

Лёнчик отвечал за музыкальное сопровождение. Записал похоронный марш и поставил его нон-стоп. Музыка играет, родные и близкие у гроба предаются скорби, Лёнчик на улице курит, отдыхая от трудов праведных, - порядок! И тут ВДРУГ начинает громко звучать: «Ще не вмерла України...»

То ли система дала сбой (говорил же директору, что надо всё новое!), то ли звёзды так встали... Интуиция подсказывает Лёнчику, что будут сейчас звездарики на красном шарике. Он «мухой летит» в холл, а в это время звонит Ньюра и слышит в трубке гимн, на фоне которого Лёнчик говорит, что у него похороны.

На лицах родни и очень серьёзных товарищей заметно лёгкое недоумение, но Лёничик быстро сменил мелодию, и все подумали: так задумал режиссер. Хорошо ещё, не запела Верка Сердючка: «Гоп-гоп-гоп, чіта-дріта...!» В общем, всё обошлось.

А директора совсем уж в похоронную тему утянуло. Хочет с тех пор свою Кремлёвскую стену возле Дворца культуры построить. А что? Пока такого в наших краях нет. Первые будем!

ОДНАЖДЫ В 90-х

Судя по остекленевшему взгляду и грязному костюму, у папы выдался тяжёлый день. Как сказала мама, «он просто превзошёл себя». Сказала дочери Ляле, с которой пыталась усадить бедолагу и придать «телу» устойчивое положение. Папа кренился, как Пизанская башня, и тщетно пытался что-то сказать. У него было разбито лицо, а нижняя губа устрашающе отвисала – была порвана уздечка, державшая её. Наконец, папу усадили. Мама приказала Ляле подпирать отца, а сама кинулась звонить Раечке.

Папина подруга детства, Раечка, работала гинекологом и, по совместительству, «скорой помощью» для друзей. Папа хоть и повиновался, упрямо проявлял интерес к своим карманам, выворачивая каждый по нескольку раз. В конце концов, он рукой вернул губу на место и выговорил: « Потерял триста баксов». Мама как стояла, склонившись над папой, так и замерла. Ляля, глядя на неё, почему-то вспомнила слова детской игры: «Море волнуется раз, море волнуется два, море волнуется три, на месте, фигура, замри!» Замереть было от чего. В 90-х триста долларов считались в обычной семье большими деньгами. Папа возглавлял отдел маркетинга на частном предприятии, заказы – по всему бывшему Союзу, и крупные суммы в доме не были редкостью. Правда, раньше папа денег не терял. Сейчас заказов становилось всё меньше, а тяжёлые дни случались всё чаще.

Приехала Раечка, уложила папу, сделала обезболивающий укол.

Ляля вышла во двор и бродила, глядя под ноги. Вдруг найдутся доллары, из-за которых мама так переживает. Соседские Васька с Петькой обратили внимание на Лялины челночные хождения:

- Ты чего туда-сюда бегаешь?
- Папа деньги потерял. Вот ищу.
- И много денег? – допытывался Васька.
- Триста баксов.
- Сколько?! – в один голос переспросили мальчишки.

Ляля повторила.

- Давай в шесть глаз искать, - предложил Петька.
- Давай, - без энтузиазма отозвалась Ляля.

Стемнело. Васька принёс фонарик, а Петька шахтёрскую лампочку. Искали ещё какое-то время, но так ничего и не нашли.

Придя домой, Ляля увидела необычную сцену. Мама держала папины ноги, чтоб не брыкался, а Раечка сидела верхом на папе и пришивала уздечку. При этом она ухитрялась держать своими ногами папины руки. Рукоделье близилось к концу. Продолжая сидеть на папе, гинекологиня убирала тампонами кровь. Папа окончательно протрезвел и спросил:

- Раечка, что ТЫ на МНЕ делаешь?!
- Губу зашиваю, - невозмутимо ответила Раечка.
- Ты же вроде по другим губам специалист? – удивился папа.

А мама заплакала.

КОНТРА

(один день из жизни компьютерного клуба)

Клуб назывался «Open the door». Посетители решили не обременять себя произношением всех слов и придумали два варианта: «Опен» и «Зэдор». На вопрос: «Ты куда?», отвечают: «На «Опен» или «На «Зэдор». Существует и общее название для всех клубов: «Кампы».

Расположен «Опэн» на 1-м этаже многоквартирного дома, где жили завербованные. В далеких 60-х годах XX века людей соблазняли получением жилья и хорошими заработками на машиностроительном гиганте. Были в доме библиотека, комната отдыха и буфет, но когда началась вся эта беда-разруха, почему-то именуемая перестройкой, в библиотеке разместился «Sekond hand», в буфете – частный врач, а в комнате отдыха – компьютерный клуб.

На работу мне к 9.00. Триста метров от остановки, поворот во двор – и ко мне несется Светлое Будущее в составе Жени-маленького, Ярика и Димы первого. Им по девять лет. Они – завсегдатаи, сдают бутылки, клянчат у родителей. Администраторы в клубе меняются часто. До меня были Люба, Аня, Люда, Новелла. Дети не успевают запомнить имя, как уже опять новый человек. Проработав месяц, иду однажды по городу и вдруг слышу за спиной: «Эй, здравствуйте!» Интересно, кому это кричат? И тут я понимаю: обращаются ко мне. В подтверждение послышалась совсем уже странная для постороннего уха фраза:

- Эй, «пять компьютеров», здравствуйте!

- Вы что, не знаете, как меня зовут?
- Нет.

Долгие годы работы в школе научили ничему не удивляться. Оглянувшись, увидела Светлое Будущее. Представилась. В нашем клубе действительно пять компьютеров. Контингент – ребята из соседних дворов.

Открываю двери, вижу обшарпанные стены унылого цвета. Такой колор я видела однажды в корпусе бывшего венерического диспансера, который переделывали под офис. Поинтересовавшись причиной окраски стен именно в такой цвет, получила убедительный ответ: «А шоб не возбуждало!»

Если цвет стен устраивает хозяина, то меня и подавно. Интерьер безуспешно пытаются оживить братья Кличко, мужественно поглядывая с прошлогодних календарей. Ту же цель преследуют, вероятно, две гирлянды рекламных флажков, развешанных поперек комнаты. На одой - Шерлок Холмс предлагает ксероксы «Сапон», другая гирлянда расхваливает продукцию JVC. Протираю спиртом «мышки», «коврики» и «клавы». Ранние игроки нетерпеливо ерзают на стульях. И вот он, счастливый миг, - можно играть!

«Counter strike» - любимая игра детей от 4-х до 19 лет. Тема стара, как мир, - убийство себе подобных. Автор абсолютно игнорирует заповедь «Не убий». Игроков не пугают фонтаны крови и жертвы.

- 1-й компьютер, время!
- Вставай!

Лихорадочные поиски мелочи по карманам...

- Дайте мне на 20 копеек.

Входит эмоциональный Никита. Очень напоминает мальчика с плаката «Пейте томатный сок!». Возбуждается во время игры необыкновенно. Щеки пылают, глаза горят, на зов реагирует с третьего раза. Азартный игрок с ярко выраженной компьютерной зависимостью.

- Никита, время!

- Ну, сейчас, ну, пожалуйста, ну, еще один бой...

Степенно всплывает Миша со товарищи. Говорят, Миша – наркоман с легким налетом криминала в прошлом и настоящем. Его бригада – Саша, Паша, Сережа, 16 - 17 лет. Якобы учатся в училище, якобы работают. У всех – только матери. Деньги добывают обычным способом: «трусят» младших и тех, кто не может дать отпор. Миша часто играет в долг, но долги всегда отдает - «пацан сказал – пацан сделал».

Диалоги во время игры своеобразны:

- Ты шо, отпетый? Зачем меня замочил?

- А ты, плуг, не паси! (Не подглядывай)

- Сам пасун! (Подглядывальщик)

- Ты меня кумаришь! (Удивляешь, злишь)

- Ты сам паяешь! (См. выше)

- Лось, когда расчехлишься? (Недоумок, когда сообразишь?)

И т. д. И т. п.

После обеда, со школы забегает младшее звено. Эти - еще веселые и добрые, почти вежливые и, часто,

послушные. Многие из них пока не курят, а потому деньги «на пирожки» легко переходят в статью «развлечения».

Вечереет. Приходят «братаны», а с ними запах хорошего одеколona. Немногословны и снисходительны. Обычно, один платит за всех. Играют часа по два, с паузами на перекур.

Появляется сын моего бывшего ученика. То, что брачующиеся не подходят друг другу ни по воспитанию, ни, даже, по внешнему виду, все заметили еще на свадьбе. Но дело было сделано. Делу уже 6 лет, зовут Дима. Он чуть-чуть заторможенный и тоже любит играть в Контру. У папы - другая семья, а мама - все еще в свободном поиске.

Дима приносит горсть мелочи, раскладывает на столе. Одна гривна, рядом десять копеек. Десюлик у него называется словом «меньше». Завязывается разговор.

- А что больше: 1 гривна или меньше?

- Конечно, одна гривна.

- А это много играть?

- Сорок минут.

- До вечера?

- Ну, почти, - не хочу разочаровывать клиента я.

- На днях?

- М-м-м, - мямлю неопределенно, сообразив, наконец, что «на днях» у мальчика ассоциируется с понятием «много» или «долго».

Появляется Юля. Частная гимназия. Выпускной класс. Стрижка у нее называется «коротко и везде одинаково». При перстнях, при деньгах, при мобилке. Макияж яркий. Характер коммуникабельный. Любимая игра – «гоночки».

В других клубах - только игроки. Но мы демократичны, у нас есть еще и зрители. Имя им – легион. Про себя делю их на молчаливых и участливых. Молчаливые способны часами простаивать за спинами играющих. Участливые активно помогают (так они думают): подсказывают, где противник, нажимают нужные, на их взгляд, клавиши и всячески пытаются сделать игроков счастливыми.

Игроки вяло противостоят, но таким, как Степан, противостоят нелегко. В больших дозах он трудно выносим. Степану 12 лет. По гороскопу – Скорпион. За крупные зубы, кличут Зубатым. Характер соответствует знаку зодиака. Регулярное посещение школы не относится к его добродетелям. В редкие моменты присутствия хамит учителю, его выгоняют, и Степан, с легким сердцем, идет на «кампы». Выбрав жертву, нагло играет вместо товарища. На замечания - ответ один: «Он мне разрешил два боя».

Иногда о человеке говорят: «В него вселился бес». Подозреваю, что в Степане он живет с часа зачатия и только иногда отлучается по делам. Девиз старухи Шапокляк «нет в мире больше радости, чем делать людям гадости», как нельзя лучше, подходит Степану. Он гоним и бит неоднократно, но раскаянья не ведает. Зубатый курит, сквернословит, промышляет разбоем (недавно обобрал пьяного). Случайно узнала, что Степану пророчили

звездное будущее в каратэ. Но отец оставил семью, а мать, на свой заработок, не может оплачивать занятия младшего сына. Может, поэтому Степан такой...

Мой рабочий день заканчивается. Заядлые игроки уходят на всю ночь в другие клубы. «Опэн» ночью не работает - расположен в жилом доме. Обитателям хватает шума в цехах завода, ночью хотят покоя.

Малолетних игроков и зрителей разбирают мамы. На лицах усталость и вечный вопрос: как выжить на зарплату? Недосуг поинтересоваться, во что играют их дети. А может, это к лучшему? Неведенье – счастье. А вы как думаете?

И ДАЛЬШЕ ПО ТЕКСТУ

Сидеть и ничего не делать, согласитесь, не самое продуктивное занятие, но именно этим я занимаюсь уже несколько дней. Тщетно пытаюсь выдумать причину, по которой можно не браться за домашнюю работу. Не скажу, что лень – определяющая черта моего характера, но и работоспособность советской женщины не относится к числу моих добродетелей. Уже.

Много лет подряд я жила по расписанию школьных звонков. До сих пор. Просыпаясь утром, боюсь поверить, что мне не нужно впопыхах бежать на первый урок. И на второй не нужно. И вообще могу больше не ходить в школу. Не проверять тетради! Выслуга – это замечательно! Это – свобода! Нет, не зря выслугу дают военным, милиции, медикам и педагогам. Вот они, вредные профессии!

А Кочевникова без выслуги ушла. Не потому, что не выдержала, а потому, что не пожелала выдерживать, хоть учитель от Бога. Раз уж вспомнила, можно не сомневаться: с минуты на минуту явится. Да, да, именно явится, как является ангел, Судьба или Муза. Приходит почтальон, водопроводчик, сосед за рублем «на два дня», а подруга является...

Размышления прерывает звонок. Никаких сомнений – это она. Вот тебе и причина, даже выдумывать не надо.

- Как ты догадалась зайти? – радостно вопрошаю, сразу позабыв про все домашние хлопоты.

- «Мне голос был, он звал утешно...» и дальше по тексту, - отвечает Кочевникова цитатой из стихотворения Ахматовой.

- «Ой, вы гости-господа! Вы откуда и куда?», - включаюсь в игру словами Царя Салтана.

- Обнаружилось время между двумя анализами, - закуривая, переходит на прозу подруга.

Вот уже несколько лет на данном жизненном отрезке она – газетчик, штатный корреспондент. А что есть корреспондент? Ясно что: под лежащий камень – волка ноги кормят. В гости забежала между двумя интервью, которые именует «сбором анализов». Владелец газеты, он же начальник Кочевниковой, за глаза называет ее Проникающей Радиацией и засылает к самым вредным и неразговорчивым чиновникам. Судя по взъерошенному виду, даже ее уникальные способности не помогли.

- В СЕЗ ходила, - сообщает подруга.

- ?

- СЕЗ – это служба единого заказчика. Прошу не путать с СЭС. Это санэпидемстанция.

- Ты можешь толком объяснить? – недоумеваю я.

Алевтина смотрит на меня, как на увечную, и голосом, полным скорбной безысходности, отвечает по слогам: «Аб-ре-ви-а-ту-ра». Так, понятно, раз в ход пошли окошкошольные термины, значит, чиновник не дался. Подруга делает две глубокие затяжки и начинает повествование.

- К началу рабочего дня была на месте. Ждать-пождать – нету. Когда будет? Никто не знает, ни Особа Приближенная (секретарша), ни прочие. Путем допроса третьей степени с пристрастием удалось выяснить, что поутру чиновник заходит в Белый Дом (исполком) – отметить, инструкции новые получить. У нас ведь как? Ночь переспал – утром новая диспозиция. Кто вчера – друг или союзник, сегодня уже по ту сторону баррикад. Поэтому сначала полезно выяснить, как говорила Раневская, «против кого дружим», чтоб не лопухнуться. Ну, тут понятно. Все в рамках видовых особенностей чиновника. Однако, время спортивной ходьбой идет к перерыву, искомое лицо отсутствует, а мне сегодня материал сдавать. Мысленно пожелала начальнику СЕЗ жить во времена Сталина, когда люди за 3 минуты опоздания срок мотали.

Вдруг заметила, что лицо секретарши изобразило работу мысли. Верный признак – это ОН. Забегали пальчики по клавиатуре компьютера, зашелестели бумаги, и сценка из спектакля «Вас нет, а мы работаем» предстала передо мной в лучших традициях жанра. Пока он в свой кабинет проходит, я face control провожу. Полдень жизни объект уже встретил, но еще силен, потому как слабый на такое хлебное место не пролезет. Настежь открывает окно, хотя на улице не жарко. Расслабил узел галстука. «Что-то воздуха мне мало, ветер пью, туман глотаю» и дальше по тексту... Открывает холодильник, забрасывает пакет в морозилку (разжился чем-то по дороге на работу) и наливает стакан минеральной. Короче говоря, в характеристике я бы ему написала: «В пьянке замечен не был, но по утрам жадно пил холодную воду».

Достаю диктофон. Объект лицом владеет, но, вижу, не радуют его чудеса технического прогресса.

- Может, без диктофона? – вежливо спрашивает начальник.

- Нет уж, лучше с диктофоном. Круг вопросов вам известен. Будьте так добры, начнем. Цели и задачи службы?

(Ах, улучшить, качественно изменить, использовать новые подходы ... и дальше по тексту).

- Какими нормативными документами руководствуетесь?

- А нет никаких документов.

- То есть?

- А то и есть... Увлеченная диалогом, я не сразу заметила бесполезность технического средства: мало того, что чинуша головушку кулачком подпер и цедил слова сквозь зубы, так еще норовил в окошко посмотреть или вообще с рабочим местом от стола отъехать. Пользы от диктофона -ноль целых фиг десятых. Хоть запоминать буду. Но запоминать было нечего. Двадцать минут говорил, но ничего не сказал. Умница! Высший пилотаж! За годы «самостійності і незалежності» так не насобачишься. Чувствуется советская выучка партийной школы или, как минимум, опыт и практика комсомольского работника.

Уже выходя из кабинета, я поняла, кого мне напоминает руководитель Службы Единого Заказчика. Вылитый Гусь из рассказа «Каштанка» незабвенного Антона Павловича, - Кочевникова по памяти

процитировала: «...гусь вытянул шею и заговорил чем-то быстро, горячо и отчетливо, но крайне непонятно. По-видимому, это был очень умный гусь...»

По убеждениям Алевтина – оппозиционер, а по духу – бунтарь. Вся жизнь она ПРОТИВОСТОИТ. Отцу-алкоголику, дирекции школы, где училась, системе образования, в которой работала, комсоргам и парторгам, первым секретарям и начальникам всяких мастей и калибров. А редко идущие рядом ум и внешность роковой женщины, способствуют тому, что Кочевникова опасна и уязвима одновременно. Верхнее, по ее словам, образование она получала лет пятнадцать.

- Аля, можешь одним предложением ответить, почему так долго училась?

- Одним предложением не смогу, а вот «Апрельскими тезисами»³, пожалуй...

В университете, как ты знаешь, каждый год мы ездили на картошку. В тот злополучный раз лагерь труда и отдыха был под Краматорском. Температура +10. Дождь. Одежда сырая. Просушить негде. Жили мы там, не сталкиваясь с гостеприимством. Сопли, фурункулы, голоса, как у сифилитиков, осипли. Взывали к дирекции совхоза – нет ответа. И тогда мы не вышли на работу...

- Так ты была вождем?

- Ну, до вождя я недотягиваю, вождь и не был нужен – идея бунта витала в воздухе, постепенно овладевая

³ «Апрельские тезисы» - работа В.И.Ленина, которую заставляли конспектировать во всех вузах. Знание работ основоположников марксизма-ленинизма было строго обязательным в то время.

массаи. Отвожу себе скромную роль катализатора или дрожжей. Да, именно дрожжей. Усиливала процесс брожения.

Аля задумывается, умолкает. Вижу – она в прошлом, что называется «ушла в себя – буду не скоро». А мне не терпится продолжение услышать:

- Ну, не вышли вы на работу и ...

- ...и через сорок минут парторг универа был уже в лагере. Как его разыскали так быстро? Заметь, мобилок тогда не было. На чем он добирался? Не иначе, Шумахер подвез. Вызвали в управление меня и еще двоих.

- А как узнали? Неужели стукач имелся?

- А то! Каждый поток мог «похвастать» персональным стукачиком.

- Вызвали вас и что? Встреча сторон прошла, как писали раньше в газетах? – пыталась я активизировать повествование.

- Да, именно «в теплой и дружеской обстановке». Заходим, а парторг нам с порога, вместо «здравствуйте!», как заорет: «Вы что, против советской власти?!» Произошла немая сцена: при чем тут советская власть? Мы что, узкоколейку в Боярке строим, как Павка Корчагин? «Да я вас! Да вы у меня!» - зловеще улыбался парторг, стуча кулаком по столу.

- Ну, и чем все закончилось?

- А ничем. Дождь по-прежнему моросил, а студенты-бунтари уже через двадцать минут выезжали в поле на открытых грузовиках. В общем, как говорила моя

любимая учительница английского: «Дискуссия ничего не дала». Ко мне приставили соглядатая, препода Лебедева, которого студенты между собой называли Лебледевым, и до конца сельхозработ он ходил за мной след в след по борозде и бдил. Все знали, что у одной из студенток четвертого курса от Лебледея живот исправно лез на нос, что не упреждало его от дальнейших амурных происков. Мне Лебедев делал более, чем прозрачные намеки. Само собой, он был женат и детен. Его сын Тимоша, этакий *enfant terrible*, в 26 лет все еще «искал себя». Какие-то детские комплексы дали буйные всходы, и сынок компрометировал папашу, как только мог.

Интрига заключалась в том, что я встречалась с Тимошей уже несколько месяцев. Кстати, при ближайшем рассмотрении, он показал себя милым эрудированным парнем. Когда у нас заканчивались деньги, сынок стрелял у фазера десятку, которую мы употребляли на шампанское.

Тимоша обещал приехать и слово сдержал. Уважаю: пацан сказал – пацан сделал. К приезду сына у меня такой зуб на препода вырос, что я решила устроить им очную ставку. Месть удалась на славу. Тимоша, скрипя зубами, обзывал папашу «козлом». «Я маме напишу», - твердил ужасный ребенок. Еле отговорила, объяснив бесполезность намерения.

Начался учебный год. Понятно, что меня «взяли на карандаш». Вокруг все было спокойно, но как раз это и настораживало. Песню помнишь: «Тучи над городом встали, в воздухе пахнет грозой...» и дальше по тексту? Просто чувствовала, что грядут события, и не ошиблась.

Нас тогда заставляли с иностранцами русским языком заниматься. Дружба народов, интернационализм, человек человеку – брат... Хотя лично я как считала, что homo homini lupus est, так и считаю. Занимались, типа, добровольно. Обучались у меня великому и могучему двое: черный, аж фиолетовый, африканец Дауда и слегка загорелый киприот Андрас. 22 апреля – показательные выступления: ребята в день рождения вождя мирового пролетариата должны хоть что-то промычать по-русски и прочесть несложный текст. Мне это надо было, как попу гармонь, но партия сказала «надо!», и комсомол взял под козырек. Ликбез на общественных, то есть очень бесплатных началах, казавшийся вначале забавным, стал меня утомлять. Если Андрас мог уже со второй попытки прочесть просто предложение, то Дауда читал все по-своему: «дружба», «водка», «я тибья лублу».

А на дворе, между прочим, конец марта! И обстановка в стране на весеннюю мало похожа. Прокатилась волна судебных процессов над писателями и поэтами. Кого посадили, как Василя Стуса, кого перестали печатать, как Лину Костенко. Эмигрировал Сергей Довлатов. Студенты тайно собирались небольшой группой, обсуждали Хельсинскую декларацию о правах человека, сочиняли письма протеста, но дальше разговоров дело не шло.

И вот 1 апреля, в День смеха и всевозможных розыгрышей, староста говорит:

- Алька, тебя в деканат вызывают.

- Ага. Это не я там уже побежала? Мог бы что-нибудь оригинальное 1 апреля придумать, - отмахнулась я и сижу себе на лекциях.

Но тут в аудиторию заглянула голова секретарши очередного немыслимого цвета и тоже позвала меня в деканат. Ну, все! Армагеддец! Секретарша Калерия, очаровательное существо с пышными волосами, четко выполняла три функции:

1. Демонстрировала стройные ножки, закидывая одну на другую.

2. Грамотно и быстро стучала на машинке.

3. Периодически красила волосы в новый экстравагантный колер.

Вызов студентов в деканат – функция абсолютно ей не свойственная. Молча указывает на телефонную трубку, которая лежит и якобы ждет меня. Взяла трубку, молчу и вспоминаю, кто бы мог до такой шутки 1 апреля додуматься. Еще надеялась, что это шутка...

- Представьтесь! – с каменным выражением лица надоумила Калерия.

- Кочевникова у аппарата! – проямлила я голосом, лишенным всякой интонации.

- Вас ждут на улице Щорса в 14.00! – приказным тоном отчеканила трубка.

- Но у меня нет с собой документов.

- Вас будут ждать на КП, - проигнорировал мою реплику о документах тот же голос и отсоединился.

Информации к размышлению достаточно. На улице Щорса в Донецке находилась контора, в которой исповедовали идеи Железного Феликса.

«Они знают меня. Значит, пасут. Как долго? Кого еще? Успокойся! У них на тебя ничего нет», - говорила я себе, но внутри все заledenело.

Это теперь все храбрые. Сегодня я точно бы не пошла. К свободе привыкаешь так быстро, что перестаешь ее замечать. Людям по три раза повестки в суд приносят – не идут и не боятся. А тогда... вроде не 37 год, а пошла.

Аля снова замолчала, повела плечами, съежилась, словно озябла. Заново переживает неприятные моменты прошлого.

- И как те, у которых «чистые руки, горячее сердце, холодная голова»?

Молчит Алевтина. Вся еще там, на улице Щорса.

- Ну, что чекисты? Какую пьесу разыграли? – не унимаюсь я.

Очнулась подруга, вернулась в настоящее:

- Чекисты?... Все по законам жанра. Сначала показали глубину моего падения (совхозный бунт, связь с иностранцами, антисоветские беседы), а потом, ничтоже сумняшеся, предложили стучать на друзей. Связи с иностранцами отсутствовали. Встречалась я тогда с Тимошей, но отношений не афишировала.

Шесть часов продержали. А тут еще очень критические дни совсем некстати. Призналась собеседнику. «Ничего, - говорит, - сидите, мы еще беседу

не закончили». Вышла я оттуда с кровавыми подтеками до колен. Тампонов тогда в Союзе не было, и жили мы по принципу «используй все, что под рукою и не ищи себе другое».

Апофигеем всех событий стало исключение из универа.

- И что конкретно вменили в вину?

- Сессию летнюю не сдала, - неожиданно выдает Аля.

Неожиданно, потому что училась она легко. Сессию завалить – это точно не про нее сказано. Умышленно задаю провокационный вопрос:

- На языкознании срезалась?

- Твоя девичья фамилия – Наивняк. Ленинский зачет я не сдала, а того, кто не преуспел в Ленинском зачете, не допускали до сессии.

И это правда. «Хвосты» у студентов тянулись с курса на курс. За второй - сдавали на пятом, но Ленинский зачет - это святое! Будущим учителям неустанно вдалбливали, что они – бойцы идеологического фронта, и работа в школе считалась передовой этого самого фронта.

Все «фронтовики» должны были быть подкованными. А чем подковываться? Работами классиков марксизма-ленинизма и Ленинским зачетом, конечно. Вот его-то Алевтина и не сдала...

После отчисления она уехала учиться в Иркутск.

- Ну, а там стукачи были?

- Как не быть? – буднично, как о чем-то само собой разумеющемся, переспрашивает.

Если в Донецке студенты еще гадали, кто именно, то в Иркутске знали наверняка. Тихий и незаметный такой мальчишечка в гимнастерочке, после армии грызть гранит науки пришел.

- На чем его подловили, как думаешь?

- Наши да не придумают?! Может, пообещали перед строем рассказать, как он на политзанятиях онанизмом занимался. А может, в родных Нью-Васюках не видать бы ему высшего образования, так в обмен на университет и предложили. Помнится, интеллектом мальчик особо обременен не был... Мы почти в открытую смеялись над несчастным, а он ничего, терпел, не обижался. Хорошо, если недалеко окно - расположится возле нас да в окно пялится. А бывало, назло, у глухой стены соберемся, - что стукачику делать? Стоит, побелку изучает, а ухо «растет» в нашу сторону.

Я без труда представила, как парнишка недалеко от группы однокурсников смотрит в стену, а ухо, увеличиваясь на глазах, растет в сторону студентов.

- Алевтина, зная тебя, смело могу предположить, что в Иркутске тоже нашлись твои братья по разуму. Снова собирались, обсуждали, писали письма протеста. Против чего на этот раз?

- Так реки Сибири хотели вспять повернуть! Напоить живительной влагой пустыни Средней Азии! Если помнишь, они все на Север текут, бездарно впадая в Ледовитый океан. Но что течение Енисея, Оби и прочих водных артерий против воли Коммунистической партии?!

- «Все равно, что плотник супротив столяра», -
ответила я цитатой из рассказа А.П. Чехова, почитаемого
подругой.

Кочевникова согласно закивала и, взглянув на часы,
заторопилась к очередному чиновнику.

БОЛИД ПО ИМЕНИ ЛЮСЬКА

Если бы государство Израиль знало Люську, не исключено, что сам премьер нанялся бы к ней в группу сопровождения. Во избежание... так сказать. Но израильская разведка Моссад, видимо, отвлеклась на какие-то текущие проблемы, типа арабских террористов-смертников, и Люська влетела в землю обетованную, как болид. «Влетела» - потому что самолетом. «Как болид», потому что - Люська. Еще бы! У нее там дети. От первого брака. Пожить решили. И внучка любимая.

Наш человек за границей – явление никем не изученное, потянет не на одну диссертацию по психологиям-социологиям. Попав на чужбину впервые, бывший homo soveticus сначала обалдевает. А потом адаптируется. Иногда со скоростью, близкой к скорости света. Как Люська.

Дети занимали квартиру в новом четырехэтажном доме. Зашли в уютный дворик. Сын, проследив за Люськиным взглядом, строго предупредил:

- Смотри мне, с мусорки в дом ничего не тащи! Наша семья тут на хорошем счету – не позорь меня перед соседями!

- Тю, ты шо!? - искренне удивилась Люська, жадно шаря глазами по этой самой мусорке.

А там, как говорится, ни в сказке сказать, ни пером описать. Пылесосы, телевизоры, холодильник («совсем не поцарапанный и цветом под обои на кухне»). Правда, мечту о холодильнике пришлось убить в зародыше:

слишком высокий, такой не спрячешь в квартире сына. А он...

Дальше Люська даже думать не стала, что сделает сын с ней и с холодильником. И так ясно: обоим наступит неприятность. Зато микроволновка... Добрые люди выставили ее вместе с коробкой. Долго ли коротко, но дождалась Люська своего часа. Сын пошел принимать душ перед вечерней сменой, а Люська с невесткой притащили агрегат («сенсорная, никаких тебе кнопок») и еле-еле успели затолкать за диван.

- Мать, что уже притащила? – грозно осведомился сын из душевой кабины.

Вступать в открытую конфронтацию не входило в расчеты Люськи. И отнюдь не по причине мирного характера. Просто за те восемь недель, которые ей предстояло пробыть в стране, еще восемь раз будет пополняться мусорка всякими нужными вещами. Сын через час уйдет на работу. Нужно этот час где-то переждать.

Сказала невестке, что идет побродить по супермаркету, и вскочила в неслышно скользящий лифт. Сын названивал каждые пять минут, но мама ответила только, когда, по времени, он должен был уже работать.

- Короче, отнесешь туда, где взяла! – рассвирепело чадо.

- Хорошо, отнесу, - легко согласилась Люська.

И отнесла. В соседний дом, где жила бывшая свекровь со своим сыном - бывшим Люськиным мужем. За

месяц квартира свекрови превратилась в филиал той самой свалки.

Но как отправить сокровища на Родину? Оказалось, легко. Сожительница бывшего поведала, что есть такая служба, доставит грузы в контейнере морским путем в любую точку СНГ. Люська засомневалась. От моря до города, где она живет, хороших триста километров. «Не бойсь, доставят по адресу», - заверила нынешняя жена бывшего мужа.

Заверения настолько вдохновили Люську, что вскоре свекровь, бывший муж и его обоже передвигались по квартире исключительно боком. При этом, Люську все любили, радовались ее приходу и приносу каждой новой (со свалки) вещи. В общем, дьявол-искуситель, по сравнению с Люской, – практикант заводской столовой.

Дни летели незаметно. Однажды в дом пришли арабы. Невестка объяснила, мол, будут краны менять. По Люськиному разумению, менять их было решительно незачем: они не текли, не капали, не дырчали. В общем, хорошие краны. Арабы ловко делали свою работу, а Люську волновало, куда сантехники денут старые (то есть, совершенно замечательные!) краны. Хорошо, если в мусор выкинут – она быстро вытащит. А вдруг с собой заберут? Может, тут так принято?

Мысль о том, что краны могут ей не достаться, мешала Люське адекватно реагировать на действительность. « Попрошу их оставить, арабы что, не люди?» - рассуждала Люська. Но как попросить? На каком языке? С английским у наших людей, обычно, никак или еще хуже.

В юности Люська увлекалась группой «Beatles». В памяти всплывали слова: yesterday, yellow submarine, но все это было не в тему. И невестка, как назло, унеслась на работу. «Господи, ну что же делать?! Уйдут краны вместе с арабами, как пить дать», - и Люська стала изъясняться с арабами жестами, мимикой и телодвижениями, разбавляя речь словами: please и o'key.

Сантехники искренне пытались понять, чего же добывается от них госпожа. Даже взмокли. Наконец, после длительных потуг, стороны пришли к взаимопониманию. Люська получила желанные краны, арабы успокоились, а один из них, пошуровав в недрах своего рабочего чемоданчика, извлек оттуда еще два крана и одарил ими совершенно обалдевшую от счастья Люську. При этом, арабы часто употребляли интернациональное слово collection. Видимо, приняли хозяйку за женщину, коллекционирующую водопроводные краны, что не удивительно. Мало ли чего люди собирают...

Потом было братание народов. Люська накормила арабов борщом, предварительно угостив перцовкой...

Вечером домочадцы застали «картину маслом». Люська сидела между двумя арабами, показывая фотографии многочисленной родни. Каждый говорил на своем языке, и все понимали друг друга.

За два дня до отъезда Люськи, невестка услышала за дверью какую-то возню. Отворив дверь, увидела запыхавшуюся свекровь. Она держала поперек себя сушилку, новую, запечатанную в прозрачную пленку.

- Купили?

- Та не...там...стояла... возле забора.

- Где, где? – переспросила невестка, почему-то изменившись в лице.

- Ну... там, - неопределенно махнула рукой Люська, втаскивая сушилку в комнату.

- Мама, это ЧЬЯ-ТО сушилка! Новые соседи сегодня въезжали. Вещи постепенно заносили. Сейчас, поди, сушилку ищут.

- Что же теперь делать? – испугалась Люська.

- Несите назад.

- Не понесу. Стыдно. Давай так: если придут – отдадим, а не придут – мне останется.

Никто не пришел. Сушилка заняла свое место в контейнере и малым ходом, по морям по волнам, отправилась в путешествие вместе с другими приобретениями.

Сидя в уютной Люськиной кухне, я слушала эмоциональный рассказ подруги. Потом она устроила экскурсию по квартире, где каждая вещь «как тут и была».

«Сын меня пугал: краны не подойдут, сушилка на балконе не встанет... Все подошло, все встало – я же говорила...»

Прага, 20.04.2008 г.

РЕПЛИКА ДИОРА

«...вышел из лифта – и перед тобой океан! Вам видно, как ветер раскачивает пальмы?»

Нам было видно. Человек пятнадцать сидели кто на тахте, кто на ковре и таращились на экран компа. Там, по Скайпу, общался со спонсором руководитель нашей ветки. Спонсор достиг в сетевом маркетинге такого уровня, что компания оплатила ему с женой недельный семинар, уж не помню на каком острове. Руководитель дотошно спрашивал у каждого, каких высот в сетевом бизнесе мы желаем достичь, куда поехать, что увидеть...Короче, обычная хоровая медитация.

Мой ответ был определённым: «Хочу поехать в Грецию». Это было правдой, я как раз туда собиралась. С открытием визы тянули, но вопрос решился положительно, и 31 мая 2001 года я из Донецка улетела в Афины. Улетела по туристической путёвке, но не отдыхать, а работать.

В самолёте, впервые за несколько лет перестройки, наелась досыта. Первые греческие впечатления памятны до сих пор. Только что открытый аэропорт, тогда самый большой в Европе, поражал зеркальным полом, чистотой, обилием электроники.

До Афин из аэропорта добирались автобусом. В это трудно поверить, но пол в автобусе находился на одном уровне с тротуаром! За окном плюс 36, но благодаря кондиционеру, пассажиры жары не чувствуют. Печально, но и сегодня кондиционер в украинских автобусах такая же редкость, как и 10 лет назад. Тротуар и ступенька автобуса в Украине, видимо, не совпадут никогда, и, входя

в транспорт, нужно задирать ногу, как в хорошем канкане. Да... Так я о первых впечатлениях...

Всю дорогу (33 км) смотрела в окно. По обе стороны трассы простиралась земля, по цвету напоминающая румяна. После украинских чернозёмов с трудом верилось, что на земле такого цвета можно вырастить цветы, овощи, деревья, в конце концов!

Таких, как я, впервые прилетевших в Грецию, было человек двенадцать. Нас, ещё в аэропорту, встретил и сгруппировал вежливый парень. Он говорил по-русски и дорогой успокаивал. Всё, мол, будет хорошо, только слушайтесь. Языка вы не знаете, значит, пока не выучите - работать вам в семьях. Будете за стариками ухаживать. Нелегко придётся поначалу. Чтоб выдержать на такой работе, у вас только один выход - полюбите этих стариков, как родных.

Тогда я не особо внимала «инструктору». Где мне было знать, что через четыре года, в другой стране, пригодится именно этот совет...

Приехали в офис. Сначала нас покормили. После обеда женщины отдали свои паспорта и по \$100 за устройство на работу. Я сказала, что у меня есть работа, за мной приедут завтра. Такие инструкции мне дала подруга. Она уехала раньше и обещала помочь трудоустроиться. Большинство из прибывших получили работу в тот же день. Осталось трое. Вечером «инструктор» отвёл нас в дешёвую ночлежку, назвать отелем которую язык не поворачивался. Я такое только в кино видела.

Пространство крохотной комнаты занимала широкая, почти квадратная, кровать. Улеглись три

заробитчанки из Донбасса на этот сексодром и, казалось, только закрыли глаза, как наступило утро. Дорогу в офис мы уже нашли сами. Как сложилась судьба ночевавших со мной женщин, не знаю – больше их не видела. За мной пришла подруга, и на третий день я уже работала у Милы.

Когда-то Мила летала из Минеральных Вод в Афины «за шубами». В одном из таких шубных туров встретила Стефаноса. Он был женат и детен. Обе дочери старше Милы, но грек, очарованный челночницей, развёлся, когда узнал, что она беременна. Тридцатилетняя Мила родила Стефанию и через две недели после родов (кесарево!) улетела с мужем в Тунис. Младенца оставили с нянькой. Кстати, о няньках. Я была седьмой по счёту, а девочке не исполнилось и двух лет.

* * *

И вот, через 10 лет, снова прохожу таможенный контроль в том же аэропорту. С тех пор, как судьба позволила мне зарабатывать больше, чем тратить, я два раза в год путешествую по местам трудовых подвигов. Италия и Норвегия мне тоже понравились, но сердце моё принадлежит Греции и Чехии. Ежегодно, отправляясь на родину демократии, несколько дней обязательно посвящаю Афинам.

Вот она, такая знакомая площадь Омония, где собираются заробитчаны из бывшего Союза. География прежняя: Донбасс, Западная Украина, Белоруссия, Грузия. На Омонии можно поговорить на родном языке, обменяться телефонами и даже купить работу или шашку.

Потом брожу по улице Сократа, стою, как Симеон Столпник, перед величественным Парфеноном и думаю: «Повезло человечеству, что Парфенон в Греции возвышается. В Украине – разобрали бы по камешку на сарайчики».

Пешком добираюсь до памятника Байрону и провожу ежегодный эксперимент. Отойдя на сто метров в сторону, спрашиваю у местных:

- Пу агалма ту Вироне? (Где памятник Байрону?)

- Дэн гзеро, - отвечают все без исключения. (Не знаю.)

Достаточно высокий памятник расположен в центре столицы. Есть остановка «Байрон», район Афин с таким же названием, но всё это не мешает грекам из года в год отвечать «Дэн гзеро». Эх! Ни одно благое дело да не окажется безнаказанным! А ведь во многом, благодаря Байрону, Греции удалось добиться независимости от Турции.

Обидно мне стало за лорда, и я написала такой стих:

Эх, поставить грекам Байрону
Золотой бы пьедестал!
Пока греки власть делили –
Лорд отряд вооружал.
А поехал-бы он в Швецию,
Сел в Стокгольме на коня,
И имели б турки Грецию
До сегодняшнего дня!
То ли нация мельчает,
Но сегодня, срам и стыд,

Мало кто в Афинах знает,
Где тот памятник стоит.

Как по мне, так пословица «Где два хохла – там три гетмана» в полной мере относится к грекам. Ну, представьте: турки их колошматят, а многочисленные, но разрозненные греческие отряды, не могут выступить единым фронтом, потому что решают, кто из командиров главнее. Посмотрел лорд Байрон на весь этот курултай и понял: прощёлкают эллины независимость, если не вмешаться. Взял и вмешался, даром, что был избалован и пресыщен жизнью, как пишут биографы. Не знаю, может, ему адреналина захотелось, да только купил он на свои кровные бриг, вооружил отряд числом пятьсот человек и поплыл Грецию спасать. Этот самый отряд в решающей битве помог грекам разбить оккупантов. На радостях, Байрон праздновал победу, невзирая на дождь. Промок, видать, до нитки, подхватил лихорадку и умер. Напоследок Джордж Гордон сказал: «...бедная Греция!.. я отдал ей время, состояние, здоровье!.. теперь отдаю ей и жизнь!» Между прочим, Байрон – национальный герой Греции!

Старый Михайлис, неграмотный строитель, у которого я служила экономкой, нянькой, кухаркой и вообще «была за старшего, куда пошлют», в ответ на мои сетования ворчал: «Не спрашивай ты их! Они, бестолковые, бегут незнамо куда, ничего не помнят и не знают. Думают, подарили миру демократию, а дальше хоть трава не расти! Пойдёшь туда, потом сюда – и увидишь памятник». Так или примерно так говорил мне по-гречески Михайлис, а я последовала его советам и действительно нашла «агалма ту Вироне»...

Решила передохнуть за чашечкой кофе. Кофейни в Афинах повсюду, и запах хорошо прожаренных зёрен тоже. Кофе заваривают такой, что, отхлёбывая ароматный напиток, невольно задумываешься: «А что за гнусное пошло я пила до сих пор?!» А ещё к кофе полагается стакан холодной воды, весьма уместной в жаркий афинский день.

Обедать всегда еду в таверну к Миле. Я у неё гувернанткой работала, помогала воспитывать маленькую Стефанию. Дитя – копия папаша, который по возрасту годится ей в дедушки. Сильно постаревший, Стефанос дремлет, просыпаясь каждые 30 минут на перекур и кофе.

Всем заправляет Мила. Ко мне относится с почтением (ежегодный клиент, заказываю дорогие блюда, оставляю щедрые чаевые), но не узнаёт или делает вид, что не узнаёт. Мне же приятно обедать здесь, слушать греческую музыку, улавливать знакомые слова в репликах официантов и быть туристом, а не работать у Милы.

Из прежних официантов остался один Никандрос. Не прост парень, ох, не прост – работает в таверне более 10 лет! С такой хозяйкой – это дорогого стоит! Вот он приносит заказчику большую, запеченную на гриле рыбу. Орудую ножом и вилкой, Никандрос ловко извлекает кости. При этом рыба внешне остаётся целой и невредимой. Клиент наверняка видит это не первый раз, но следит за процессом, как замороженный. Рыба подаётся клиенту. Тот восхищённо хлопает в ладоши, а Никандрос благодарит за признание мастерства едва заметным кивком головы. Концертный номер, да и только!

Греки часами сидят за столом. У них не еда, а ТРАПЕЗА. Беседуют, попивают узо. Хотя слово «попивают» здесь неуместно. Попивать можно из бутылки, графина, а у них анисовая водка в пузырьках. Культура потребления алкоголя потрясающая! Мне не удалось увидеть ни одного пьяного грека! Однажды спросила у Никандроса: «Почему у вас пьяных нет?» «Потому что мы – умные. Это ваши мужчины напиваются, как свиньи», – презрительно ответил официант. Хотя сама ненавижу пьющую братию, стало мне обидно за всех земляков-алкоголиков. И тут вылезла моя скорпионья сущность: «А что ж вы, умные, как в 1974 году Турции кусок Кипра отдали, так до сих пор забрать и не можете?»

Бедный Никандрос даже в лице переменялся.

- Откуда знаешь?

- Я – учитель! Образование мне позволяет знать мировую историю и многое другое, – гордо ответила я.

Ответила и спохватилась – а ну, возьмёт сейчас и спросит: «Что ж ты, образованная, на чужбине в няньках служишь?»

Не дожидаясь вопроса, взяла на руки Стефанию и пошла на прогулку.

Ну, теперь можно и на остров. Уже второй год подряд выбираю Куфониси. Плыть до него из порта Пирей часов восемь. Располагаюсь в шезлонге на верхней палубе и любуюсь морем. Потом сплю в маленькой каюте. Проснувшись, пью с капитаном кофе и говорю «за жизнь».

Паренёк лет четырнадцати, внук капитана, приносит сыр фету, оливки и две огромные королевские креветки.

Когда я в первый раз их увидела, думала: вот это крабы! А оказалось – креветки. Капитан пригласил меня выпить «эна гафе» (чашечку кофе), но перед кофе мы ещё отведали много всяких вкусностей.

Я внимательно слушаю капитана. У него дочка вышла замуж за украинца, и он ездил в гости к сватам в Киев. Теперь делится впечатлениями. Я не всё понимаю, внук переводит, легко переходя с греческого языка на украинский. Деда, говорит, поразило, во-первых, что все дома в Киеве построены без учёта сейсмической опасности. Во-вторых, сколько дорогих машин на улицах. Капитан думал, раз тьма украинцев в Греции работает, значит, Украина – бедная страна.

Далеко, среди волн, показалась точка. В бинокль уже виден остров, но плыть до него ещё добрых два часа.

Иногда спрашиваю себя, за что я люблю Грецию? Наверное, за то, что здесь останавливается время. Особенно это ощущаешь, высадившись на Куфониси. На острове одна деревня. Население не более 300 человек. Все друг друга знают. Комнату снимаю у Христофора в старой мельнице. Слава Богу, что большинство туристов предпочитают на отдыхе развитую инфраструктуру и Глухомань (примерно так переводится название Куфониси) их не привлекает. Брожу по острову, где кроме людей встречаются только чайки, козы и собаки. На улице чисто, а роль мусора исполняют опавшие лепестки цветов. Главная трудность на Куфониси состоит в том, чтобы выбрать, в какую таверну идти обедать. Их шесть. В

каждой вкусные и сытные блюда готовят. В каждой тебя встретят, как родного человека, без подобострастных и фальшивых улыбок. Едят не торопясь, как и всё, что делают. Поневоле подчиняешься размеренному ритму жизни и выпадаешь из времени...

Две недели на Куфониси и три дня в Афинах – это всё, что я могу себе позволить в августе. К серьёзным минусам финансового благополучия относятся обеты, партнёрские отношения и зависящие от тебя люди. Пришло сообщение о том, что ещё 11 бизнесменов хотят заниматься благотворительностью. Нужно встретиться с каждым из них и деликатно объяснить, как Ассоциации Благотворителей удаётся существовать в жёстких рамках законодательства. Например, директор одного завода согласился внести приличную сумму в бюджет родного города при условии, что контролировать расходы будут его финансисты. Директора сразу обвинили в нарушении закона. Мол, либо не давай денег, а дал – так не спрашивай, куда дели. Но директор мужик тёртый и понимает, если не проконтролировать, будет, как в эстрадных куплетах времён Союза:

«Растворимый кофе завезли на базу.

Завезли на базу – растворился сразу».

Во всём мире благотворительность выгодна бизнесмену, у нас же ничего, кроме проблем, благотворитель не получит.

Ещё в аэропорту «Борисполь» просматриваю «Входящие». Катя Лозовая, владелица сети магазинов «Школьник», хочет быть благотворителем. Долго Катя думала и решила. Ах, Катя, Катя – не знай я тебя ещё ученицей, может и поверила бы. Магазины достались тебе в качестве отступных от бывшего мужа. Налаженный бизнес приносит какой-никакой доход, но заслуги твоей в этом нет. А в благотворители хочешь податься, потому как модно это сегодня. Стоп! Чего я на неё взелась? Может Катя мужа среди бизнесменов хочет найти? Пусть ищет. Главное – она с бедными детьми готова поделиться.

А вот Модесту Соловьёву придётся говорить «нет!» Он методично изводит сотрудников фонда, хотя с виду похож на Оптинского старца. Худой-седой-небритый, Модест заявляется в офис, скромно садится на краешек стула и смиренным голосом начинает излагать. Он – поэт. Вот сборники, изданные («на халяву») ещё в Советском Союзе. Ему, Модесту, лично ничего не нужно. Дайте денег издать очередной сборник, а он подарит книжку библиотекам и школам – пусть читают грядущие поколения. Поэту - за 70, но большинство стихов о любви. Эрато, муза любовной поэзии, терзает тщедушного Модеста, а заодно и всех нас.

Сотрудникам запрещено неуважительно отвечать соискателям, даже если те будут нести чушь и швыряться ботинками. В особо трудных случаях отправляют ко мне. Но оказалось, что «трудный случай» - каждый второй, не считая первого. Всё! Скажу при встрече, что ему не всегда было 70, мог бы работать и откладывать на издание своих стихов.

В самом начале деятельности фонда было решено помогать только людям, которые сами хоть что-нибудь делают. Люди к нам обращаются разные. Труднее всего общаться с теми, о ком лучше Карела Чапека не скажешь: «... очень часто приходят разные маньяки и тихо помешанные, особенно любящие обращаться со своими петициями и жалобами. Таких нужно успокоить и вежливо выпроводить».

Звонил Саша. Ему 23, но для фонда он – незаменимая личность. Пришёл сам и предложил помощь. Это наша тяжёлая артиллерия в беседах с чиновниками. По диплому Саша инженер, а по призванию – юрист. Он в курсе всех законов и подзаконных актов, знает хозяйственное законодательство, КЗОТ, может отрывки из Римского права на латыни процитировать. Благодаря Саше, удалось убедить исполком приобрести микроавтобус для лесников, а фонд подарил им четыре скутера.

С лесами в наших краях напряжённо. Силами лесничества каждый год высаживается около 300 тысяч сосенок-двухлеток. Жители близлежащих посёлков поджигают траву на холмах, а вместе с ней горят и сосенки. Саша радостно докладывает, как благодарили лесники за микроавтобус. Раньше они добирались до работы в раздолбанном УАЗике. Любой музей автомобильного транспорта посчитал бы за честь иметь подобный экспонат. В кабине отовсюду торчали провода, обшивка отсутствовала, зеркало заднего вида тоже, но вдохновил фонд на помощь лесникам не плачевный вид машины, а приспособление для открывания дверцы. Представьте себе на боковой поверхности, весьма далеко от дверки, торчит крышка от пластиковой бутылки. В неё

продет шнур, уходящий внутрь. Чтобы открыть, надо потянуть на себя пробку одной рукой, а другой ударить УАЗик в бок – дверка и откроется. Всего делов-то!

Пришло сообщение: готовы три группы для обучения за границей. Девять человек едет в Ганновер, девять – в Лондон, девять – в Прагу. Фонд и здесь верен своим принципам, оплачивая обучение при двух условиях:

1. Ребята учатся, а не дурака валяют. Претендент самостоятельно изучает язык страны пребывания.

2. После окончания вуза соискатель обязан 3 года отработать на предприятиях города или области.

Фонд трудоустраивает по специальности и на хорошую зарплату.

В Германию абитуриентов везёт Наташа, дочка моей ученицы. В период кризиса Наташа открыла клуб по изучению иностранных языков. Год жила в Баварии. Ей что немецкий, что русский.

В Лондон будущих студентов сопровождает Ирина, учитель английского Божьей милостью.

Прагу я оставляю за собой. Пять ребят и четыре девушки будут учиться на разных факультетах Карлового университета. Мне нужно проследить за оформлением документов, познакомить будущих студентов с городом, объяснить на месте правила поведения.

«Atlantic» - так назывался отель, где я проводила очередной тренинг, пока будущие студенты знакомились с Пражским градом. Отель не менял своей прописки больше ста лет, что придавало ему респектабельности и помогало оправдать высокую цену за проживание.

С этой группой мне легко. Пятеро богатых людей из разных стран два раза в год встречаются в Праге. Выбор отеля, как и программа тренинга, остаётся за мной.

Нет, у меня и без них есть чем заняться. С тех пор, как я продала свой бизнес, жизнь сильно изменилась к лучшему. Нашлось время на путешествия, изучение языков и всякое прочее. Долгие годы все мои мысли были заняты тем, как заработать на хлеб насущный. Оказалось, что на свете есть много других интересных занятий.

Впервые за много лет у меня остаются дензнаки, сколько бы я не тратила, - тоже приятно.

Посчитала на досуге – в день набегает \$300. Не много, если страдать шопингом, менять мебель, квартиры и мужей. Достаточно, если ко всему выше перечисленному дышать ровно.

Отель выбран не случайно – я работала здесь когда-то. И здесь тоже. Управляющая всё ещё пани Кратка. У неё по-прежнему две фишки: композиции из цветов и моющие средства...

Объём работы был у меня небольшой, но первый месяц я не справлялась. Пани Кратка приходила в 8.00, имела привычку открывать дверь ногой и проверять, как украинки трудятся. Однажды приехали туристы из Великобритании. Ходят по туалетной комнате, удивляются, что чисто, а я зеркала протираю.

- Это вы здесь поддерживаете чистоту? – спрашивает одна англичанка.

- Да, - отвечаю, не прекращая работы.
- Мы не ожидали, что в чешском отеле будет так чисто. Вы, наверняка, закончили какую-то специальную школу, не так ли? – добивалась женщина.
- Конечно! Сначала закончила университет, потом 30 лет работала в школе в Украине, и всё это для того, чтобы теперь мыть туалеты в чешском отеле! – выкрикнула я на ломаном английском и ушла в свою каморку.

Минут через пять в дверь постучали. С извинениями вошла женщина, удивлявшаяся чистоте. Я плакала и вытирала шнур от пылесоса. Англичанка взяла меня за руку и стала говорить, что она впервые приехала в Европу, что у неё на родине далеко не все богаты, что она тоже учитель и знает о непростом экономическом положении в Украине. Теперь мы плакали обе...

Я потрясла головой, отгоняя воспоминания.

Тренинг состоял из нескольких частей. Сначала каждый участник рассказывал сказку, потом рисовали на тему «Моё детство», а в конце бизнесмены принимали горизонтальное положение и слушали украинские народные песни. И хотя я просила запоминать ассоциации, все как один засыпали. Видимо, сказывалась долгая педагогическая практика, когда на пятом уроке нужно было интонацией успокоить 35 гавриков и ещё чему-то их научить.

В этот раз акулам капитализма предлагались такие песни: «На калині, на малині», «Понад лугом

зеленьким», «Ой хмелю, мій хмелю». Проснувшись через 20 минут, они выглядели притихшими и задумчивыми. Для успешного завершения тренинга, мне, кровь из носа, требовались ассоциации. Предложила пойти в ближайший арт-салон поглазеть на современное искусство. Бизнесмены ожили и запротестовали.

Они, конечно, понимают, что ассоциации врачуют душу, но голос брэнной плоти настаивает на устрицах и белом вине.

Минут сорок абитуриенты ещё будут любоваться собором Святого Вита, и я согласилась – устрицы с белым вином душе не повредят.

Вот за что я люблю Старую Прагу, так это за отели и рестораны на каждом шагу. Осели мы в заведении напротив отеля «Максимилиан». Ребятам принесли коллекционную бутылку «Шато Марго», я выбрала шардоне.

Официант торжественно водрузил на середину стола внушительных размеров блюдо с морепродуктами. Устрицы были основной составляющей. Пересыпанные крошками льда, они лежали влажной горкой на подстилке из морской капусты. Сразу вспомнились ахматовские строки:

«Свежо и остро пахли морем
На блюде устрицы во льду...»

В окно был виден вход в отель и широкая лестница, ведущая в апартаменты. Лестница! Хотела ассоциации – получай!

Когда-то я мечтала о собственном доме, и чтоб лестница деревянная вела на второй этаж. Обязательно! Но видно что-то недомечтала, ибо лестницы мне попадались не деревянные, а мраморные, и в чужих домах. В Афинах была такая закрученная и без перил, что мыла ее раз в неделю и молилась – боялась свалиться к чертовой матери. Менялись страны, но лестницы присутствовали непременно.

Уже целый месяц я работала в Праге. Подметала улицы. Денег не было. Приехала в долг, заплатила за квартиру, купила проездной. Всё. Ближайшая зарплата через полтора месяца. Надежда только на фушки. Фушка – это разовая шабашка. Главное преимущество – там платят по окончанию работы. Как правило...

За короткое время я обросла номерами телефонов, как морское судно ракушками. А дальше: «Не зевай, Хомка, – на то ярмарка!» У кого-то совпали по времени две фушки – одну дарят мне. Хозяин кому-то такой попался, что никаких денег не захочешь. Предложили, про хозяина рассказали. Пойдёшь? Пойду.

Действительно, тот ещё жучара оказался, но платил хорошо. Иваном звали. У него мать – украинка, отец – чех. Так Иван с матерью всех украинцев ненавидят. Поехал он в Америку первоначальный капитал заработать. Нанялся к богатому украинцу окна мыть, а тот не заплатил. Иван некоторое время сильно нуждался, но потом денег так всё-таки поднакопил и теперь в Праге владеет кофейней и дискотекой. Вот с тех пор - вселенская ненависть к целой нации.

С отелем «Максимилиан» по-другому получилось. Подметаю мостовую, мемориальные доски на домах читаю, названия улиц учу. Вдруг приезжает мой работодатель, одессит Серёжа. Мол, есть фушка на пару вечеров, отель после ремонта мыть. Оплата сразу.

Пришло нас человек двенадцать. Самых разных возрастных, национальных и весовых категорий. Две закарпатские жиночки, Василина и Зоряна, были розводящими и смотрящими. Предупредили: кто будет работать «шуб-шуб а шудли-шудли» - выгонят. Загадочная фраза означала: «кое-как», «спустя рукава». Мне и двум девушкам досталась лестница...

Представьте ступени из пористого камня после побелки! Методика простая. Как можно чаще менять воду и как можно сильнее тереть ступени, стоя в позе прачки. Выдали бутылки с укусом. Велели не экономить. Отель открывался через два дня. Свет в отеле был, а воду ещё не подключили. Носили вёдрами с первого этажа. Мыть начали с верхнего. Прошёл час, другой... Потом время перестало иметь для нас значение. Ступени белели, несмотря на укус. Ныли затёкшие спины, билась в висках кровь... Мои подельницы ходили курить, перекусывать, а я только меняла воду и остервенело тёрла ступени. И вовсе не потому, что старалась быть лучше всех. Просто понимала, если выпадут из процесса, вернуться к нему уже не смогу. Поднимаясь с очередным ведром воды, заметила на лестничной площадке кучу картонных упаковок. Отодрал лист, согнула в несколько раз и подложила под колени. Стало легче. «Господи, пошли мне терпение! Помоги! Больше помочь некому!»

Вспомнились наставления афинского рекрутера: «Если будет совсем немоготу, полюбите их». Он говорил о стариках, за которыми ухаживали украинки. Поскольку я сейчас «ухаживала» за лестницей, пришлось любить лестницу. Стала представлять, как нравится ступенькам, когда их моют. С каким удовольствием они лягут под ноги людям. Как приятно будет гостям в отеле ходить по чистой лестнице... и так фантазировала, пока не домыла. Возвращаясь домой по ночным улицам Праги, я размышляла над тем, что информация, пришедшая к нам однажды, рано или поздно пригодится...

После экскурсии, абитуриенты поселились в общежитие. Я проинструктировала их на предмет поведения. Воду, желательно, экономить. Еду из столовой в комнату не носить. Авгиевы конюшни из места проживания не устраивать. Также не рекомендуется открывать настежь окна, выставлять на подоконник колонки и «врубать» музыку на всю громкость. Главными словами чешского языка остаются: «просим» (пожалуйста) и «декуйи» (спасибо). Теперь за детей отвечает принимающая сторона, а я иду по своим делам. Сегодня по плану - просто бродить по улицам Праги.

Практически в каждом отеле работают украинки. То и дело встречаю знакомых. На площади, у знаменитых курантов, расположен отель «У принца». Над украинками там властвует Власта. Да, такая вот тавтология. Отель в центре. Трудиться там – катастрофа! Почти все женщины из Западной Украины. Готовы работать по 18 часов. Есть и

представители восточных областей, но мало. Власта – из Луганска. Руководитель жесткий, хотя, по-другому нельзя. «Попустишь – сам вылетишь», - объясняет Власта.

Как-то три месяца работали девушки из Краматорска. У них за плечами был Египет, где они продавали путёвки и масла, иногда весьма сомнительного происхождения. Возвращались из отеля очень усталые. «Западнячки спрашивают, нравится ли нам работа. Господи, что же там может нравиться?!» - возмущались девушки. По истечении трёх месяцев они втянулись и сетовали только на ранний подъём: «Так бы всё ничего, но вставать в 5 утра – это нездорово».

Для меня вся Прага состоит из воспоминаний.

За углом, в холле концертного зала, расположилась выставка дамских сумочек XVII-XIX веков. Крохотные и побольше, из кожи, парчи, соломки, каких-то вовсе неведомых мне материалов, они были свидетелями встреч, прощаний, исторических событий... Их хозяйки давно уже отправились к праотцам, а вещи – вот они. Несправедливо...

Рядом с антикварными экспонатами предлагали современную кожгалантерею. Таки да. На ридикюльчики, сумочки и клатчи тоже стоило взглянуть. Особенно понравилась одна сумочка. Элегантная до невозможности, она будто для меня была сшита. В прошлой жизни цена поколебала бы мою уверенность в предназначении сумки. Но не теперь.

Задаю вопрос-тест для продавца:

- Скажите, почему такая дорогая?

- На меня посмотрели с сожалением, как на убогую, и ответили: «Это же РЕПЛИКА ДИОРА!»

- Вот оно что! Даже не ДИОР! Всего лишь РЕПЛИКА!

Ничего, главное выбрать, что об этой сумочке правильно думать. Подозреваю, что все эти реплики, как и сам Dior, шьются трудолюбивыми китайцами.

Продавец, увидев дензнаки Евросоюза, поняла, что сумку покупают, и переменялась в лице. Взгляд, движение рук, плечи – всё выражало готовность услужить и переводилось как: «Чего изволите?» Девушка только что ножкой не шаркала...

Да, кадры по-прежнему решают всё. А такой кадр точно ничего не решит. Думала, хоть в Праге по-другому, нет, точно так, как у нас в Украине.

В этот приезд у меня было ещё одно дело: помочь земляку продать мини-отель на Качерове. При купле-продаже я изображала группу поддержки. Видимо, хорошо изображала - продали. Выпили шампанского с Василием, бывшим владельцем, и отель обрёл нового хозяина, а я – свои проценты.

Недавно сделала интересный вывод: деньги приходят легче, если не прикладываешь к этому процессу титанических усилий. Не заморачиваешься, одним словом. И наоборот: будешь упираться, работать тяжело и много, заработаешь, возможно, но при этом толку от денег мало – либо вложишь не туда (например, в банк на территории

СНГ), либо заболеешь и потратишь на лекарство. Не знаю, как у вас, а у меня именно так. Только начинаю работать интенсивно, с утра до ночи, тут же Господь останавливает. Да ещё как! Последний раз вылила себе кипяток на ноги и месяц «отдыхала» в ожоговом отделении. Было, скажу вам, время подумать о смысле жизни.

Звонили из академии – набрали ещё одну группу желающих изучать чешский язык. Недавно я привозила очередных абитуриентов в Младу Болеслав. Ребята будут учиться в университете Шкода Авто. Они могут говорить по-чешски, одни хуже, другие лучше. Благотворители уповают на них – Светлое Будущее Украины. А что? Выучатся дети по заграницам, привезут с собой опыт, передовые технологии, и станет ненька Украина равной среди равных, а не репликой Диора. Хотя...

ТИЛИ-ТИЛИ ТЕСТО

После окончания духовной семинарии Лена работала регентом в одном из храмов Курска. Редкая в наше время профессия для девушки и нелёгкая, скажу я вам. Не просто службу вести вместе со священником, а петь самой, следить, как поёт хор; знать страницу, где псалом, который нужно пропеть или прочесть, и ещё много-много всякого разного...

Работа Лене нравилась. Зарплата, правда, была небольшая, приходилось подрабатывать. Вставала в 6 утра,

к семи – на службу, после ехала присматривать за ребёнком, а ещё с хором занималась. Не скучала, короче. Приходилось и над покойниками молитвы читать. Представьте: целую ночь, не смыкая глаз, усопшему сопроводительные напутствия в последний путь озвучивать! Платили хорошо. Было ли страшно? Было поначалу, потом привыкла...

Удачливых бизнесменов в семье Лены не наблюдалось, помогать некому. Впрочем, не совсем так. Везло девушке на людей, и церковь о ней заботилась. Вместе с дипломом каждому выпускнику выдали тысячу русских рублей и книгу по ведению службы. Отец Никодим, настоятель храма, по совместительству ещё и проректор духовной семинарии. В свои семьдесят с лишним отличался завидной активностью, не уставал радеть за нужды мирян и дела церковные. Именно он предложил Лене работу, помог с жильём и пропиской (Лена – гражданка Украины). Храм оплачивал коммунальные услуги. В общем, мир, как известно, не без добрых людей.

В отличие от многих сверстников, Лене никто не дарил мобильный телефон. Девушка купила его в кредит. Телефон слабо поддерживал Интернет, где на одном из сайтов Лена поместила свою фотографию (тоже сделала сама).

Писали, как это бывает на сайте знакомств, многие, но ничьи SMS не привлекали внимание. Однажды пришло краткое послание: «смайлик» и слово «привет!» С этого всё и началось...

Зовут его Йоханес, ему 40 лет, работает главбухом в компании, продающей компьютеры. Женат не был. До 34 лет жил с родителями. Лена не помнит, что она спрашивала, но уже после встречи Йоханес говорил: «Ты задавала такие глубокие вопросы, что мне нужно было хорошо подумать, прежде, чем ответить». Его заинтересовало, что девушка рассуждает, как умудрённый опытом человек.

Через шесть месяцев они решили встретиться в Киеве. Лена по-прежнему работала регентом в Курске и, наверно, не поехала бы в Киев (12 часов поездом, незнакомый город). Но Йоханес, находясь в Голландии, всё подробно разузнал для неё по Интернету: во сколько поезд приходит в Киев, какой автобус ходит на Борисполь - именно туда прилетал самолёт из Амстердама. Сражённая таким вниманием, Лена взяла отпуск на две недели и поехала.

Узнала его сразу. Во-первых, он высокий, и не заметить его было трудно. А во-вторых - просто почувствовала. Позже Йоханес рассказывал: «Подошёл ко мне какой-то снеговичок, смотрю – Лена в белой шубке и шапочке с бубончиком». Сначала общаться было трудно: переписка – это одно, а живой разговор – другое. Два дня бродили по Киеву, потом поехали в Краматорск, знакомиться с её мамой. На этом настоял Йоханес: «Твоя мама должна знать, с кем ты поедешь в путешествие».

Заранее забронировав частный пансионат, он повёз Лену в Крым. Голландец взял напрокат автомобиль, и они объехали весь полуостров. Лена впервые увидела пальму. Настоящую. Зелёную. А ещё ботанический сад, канатную дорогу, Ласточкино гнездо... Всё было как в сказке.

Обескураживало только отсутствие сексуального интереса к ней. Даже собираясь поцеловать, он спрашивал разрешения. На прямой вопрос Йоханес дал следующее объяснение: «Я приехал за женой. Мне нужна спутница жизни, которую я буду любить и уважать. Сейчас для меня важнее твои душевные качества. Я пытаюсь убедиться, что мы сможем вместе жить и в старости, когда секс не будет иметь такого значения».

Через три месяца он оформил необходимые документы, и Лена полетела в Голландию. Разумеется, все расходы взяла на себя приглашающая сторона. Йоханес представил Лену родителям как невесту. Будущая свекровь подарила ей перстень с жемчужиной.

Три месяца девушка жила в стране, присматривалась к обычаям, привыкала к будущему избраннику. Узнав о предстоящем дне рождения, жених поинтересовался, какой подарок она хотела бы. Лена выбрала посещение аттракционов. Его мама подарила им два билета (24 евро каждый). Девушка предполагала, что там будет здорово, но не ожидала, что настолько. По её словам, это было потрясающе.

Я спросила, не возникало ли «трений» из-за разных менталитетов. Оказалось, возникали. Причём, причиной «трений» почти всегда была Лена. «Я могла прямо сказать всё, что думаю. Там так не принято. Надо всё корректно излагать», - говорила девушка. Йоханес часто пенял ей за недипломатичность, но умел подобрать такие слова, что было совсем не обидно. Жених был исключительно терпелив и внимателен. Они часто обедали в ресторанах. Лена в меню сначала на цену смотрела, а уж потом называет блюдо. Йоханес заметил и запретил на цены

смотреть: заказывай, что душа пожелает. Ещё с ним можно часами ходить по магазинам, долго выбирать, в итоге ничего не купить и не увидеть на его лице и тени недовольства за бесцельно потраченное время!

Поженятся они в Голландии, но для того, чтобы уехать на ПМЖ, Лене нужно сдать экзамен на знание нидерландского языка. Йоханес привёз учебник, словарь, и девушка старательно зубрит спряжения невозможных нидерландских глаголов. Зная близко к тексту Библию, Псалтырь напамять, да не выучить язык любимого человека — быть того не может! Выучит, пройдёт собеседование в посольстве, выйдет замуж и будет уже не просто Лена, а Елена Ван Бовен. А что? Звучит!

КАК МЫ ДЕЛАЕМ ГАЗЕТУ

Город у нас хороший. В нем есть все. Ну, может, не все, но многое из того, что город делает городом. Центральная площадь, например. Здание исполкома, где слуги народа заседают. Памятник Ленину. Газеты есть. Их даже несколько. Журналисты, верстальщики, рекламные агенты и прочая газетная братия ходят по кругу, перемещаясь из газеты в газету. Все всё обо всех знают.

Как в любой приличной газете, у нас имеют место сплетни, конкуренция, лоббирование чьих-либо интересов, романы и, конечно, творческий процесс.

Вышеперечисленные понятия – величины переменные, но есть и постоянные: главный редактор, выпускающий редактор, финансовый директор и верстальщик(-ца). Вы спросите: «А журналисты?» Да, и журналисты, но если они, вдруг, все уйдут в отпуск, то один раз газету «слабают» и два редактора. Повторяю: один раз. Ушлый читатель знает стиль каждого работника пера. Никто не расскажет лучше, чем Петр Строгов об очередном заседании слуг народа. Диночка Плакина может вообще не подписывать свои статьи о трагических происшествиях – в репортажах из моргов и похорон ей нет равных. Мы все талантливы и откровенно говорим об этом: «Он пишет так, что свинья заплачет!»

Если вы заглянете в редакцию перед выпуском газеты, то услышите непонятные для постороннего диалоги и реплики:

- А может урезать этого дядьку до портретного состояния?

- Ну, кусок асфальта отрежь...

- И что останется?

- А х. его з.! У них можно резать еще над головами и там, где тебе, Катя, по пояс будет.

- Ладно, собираю все, что осталось от несчастного, и - вперед!

Приступом старается взять Выпускающего редактора подающая надежды Снежана:

- Я целый день открытые люки фоткала! На каждой – по одной дырке. Специально много наклацала, чтоб лучшую выбрать. Поставь, очень прошу! Это актуально.

- Ну кто нас умными назовет: пять фотографий на одной странице?

- Ну куда, куда мою дырку?

Выпускающий редактор задумчиво смотрит на Снежану:

- Куда ТВОЮ дырку, я знаю...- спохватывается, -на вторую страницу.

Статьи не пишутся, а время поджигает. Ульяна испытывает муки творчества:

- Господи, как же лучше? «Это вызвало бурю чувств», «шквал эмоций»... Света, как лучше: «бурю чувств» или «шквал эмоций»?

- Орга-а-а-зм, - мечтательно протянула Света.

- Оргазм – это хорошо, - серьёзно согласилась Ульяна, - но это не формат нашей газеты.

Короче, процесс выпуска газеты буксует, но движется вперёд.

По странному стечению обстоятельств, накануне выпуска, косяком идут ПОСЕТИТЕЛИ. Сегодня, к примеру, приходили один за другим три поэта. Первым явился Соловьев. В творческом портфеле несколько сборников времен Советского Союза, но халява госзаказов закончилась, а кушать по-прежнему хочется. С виду тщедушен и несчастен, но внешность обманчива. Соловьев заставит быть brutальным и святого. Тематика любовная и производственная: «план выполняют – лица сияют», «с тобой счастлив я буду и других всех забуду».

За ним пришел украиномовний поэт. Именуется себя «Хохол Пархоменко». Пишет ясно на какую тему: «верба і калина – моя Батьківщина».

Третий был оригинален, представился как Человек Мира. Пишет о макро- и микрокосмосе. Несмотря на различия в их внешности и тематике стихов, всем троим нужно было одно - найти деньги на выпуск сборника стихов. И все бы ничего, но день на исходе, а половина страниц не сверстана. Короче, «цигель-цигель ай лю-лю».

А поток ходоков не иссякал. Пришел народный умелец-самоучка и стал фокусы показывать. Мы рты поразевали, бесплатный цирк смотрим. И еще бы смотрели, да Саныч, Выпускающий наш, посмотрел на фокусника так, что у того сразу пропало желание демонстрировать таланты.

Все кинулись работать. Но звезды предполагали еще одного посетителя. И он не замедлил появиться. Это был собрат по перу, сейчас на вольных хлебах. Он всегда

пребывал в хорошем настроении. Прямо с порога начал декламировать пародию на «Сказку о царе Салтане», в которой замечательно рифмовалось слово «Гвидон» с другим словом, коим в народе именуют сами знаете что.

Под занавес появился Главный и узнал, что в газете еще «и конь не валялся». Кто-то скаламбурил, мол, вот газета – даже кони на ней валяться не хотят. Это повлекло за собой ряд карательных мер и репрессий. Потом, когда гроза миновала, у всех открылось второе дыхание. Дописали, докорректировали, доверстали. И очередной номер, конечно, выпустили.

ПОДВИГ ТАНКІСТА

- Діти, сьогодні пишемо переказ. Назва – на дошці. Перший раз читаю – ви слухаєте, другий – щось занотовуєте, третій – пишемо.

- А четвертий? – хтось із задніх рядів, просто, щоб часу менше залишилось – тоді додому віддадуть дописувати.

- А четвертий - тільки для «особливо обдарованих». У нас же таких нема? Нема. У нашому класі тільки обдаровані діти.

Переказ на військово-патріотичну тему. Радянський танкіст потрапив у полон. У таборі, коли трохи оклигав, вороги запропонували дещо, від чого важко було відмовитись. Дають танк Т-34, знайомий йому до гвинтика, і гасає на цій машині полонений туди-сюди полігоном. А фашистські артилеристи намагаються влучити в рухливу мішень із гармат. Така собі гра. За відмову брати в ній участь – розстріл. А от якщо погодиться та ще залишиться живий, відпустять.

Танкіст довго не думав. Погодився. А що тут думати? Вибір невеликий. Заліз у танк і рушив. Але вирішив докорінно змінити правила гри, не попередивши, звичайно, фашистів. Замість того, щоб чекати, коли почнуть шмалять по танку, герой розвернув бойову машину просто на гармати. Знищивши їх разом з обслугою, Т-34 на швидкості прорвався крізь загрожу і зник.

Текст прочитано. Проблемні слова на дошці записано. Я була певна того, що всі напишуть. Завдання

легке для сприйняття, у класі багато хлопчиків, та й дівчатка більш-менш начитані.

Перевіряю роботи. Результат передбачуваний: хто як слухав, так і написав. Раптом читаю й очам своїм не вірю! Написав хлопець. Начебто слухав і розумів. Я була спантеличена й розлючена водночас.

Наступного дня одних похвалила, інших посварила за помилки.

- А тепер, діти, прошу уваги! Хочу вам зачитати уривок з переказу одного хлопчика: «Т-34 сів у танк і РУХНУВСЯ. Подавив їх усіх на трибунах і втік!»

Сьогодні вже не пригадаю, хто більше реготав: учителька чи діти. Коли вщух регіт, я, витираючи сльози, промовила: «Не знаю, як Т-34, а я з вами точно рухнусь!»

ПОМАРАНЧІ ДЛЯ ОТИЛІЇ

Мені пощастило: одержала профспілкову путівку. Куди б ви думали? На турбазу біля Чакви. Це невеликий присілок поблизу Батумського ботанічного саду.

Разом із чотирирічною донькою ми купалися досхочу в морі, милувалися екзотичними красвидами, і все це, уявіть, у червні! Кажу ж, пощастило. Мінорної ноти додавала відсутність чоловіка (був далеко і ще довго не міг до нас приєднатися).

Уроджений грузин, він мав численну рідню, до якої ми, повертаючись додому, заїхали на гостину в Сухумі. Чарівне місто! Хто хоч раз відвідав його, підтвердить, що кращої кави, ніж там, годі було й шукати. Перед тим, як насипати мелену каву, у турку нерідко клали подрібнений і ледве підсмажений часник. Замість цукру – мед. Потім додавали воду, занурювали посудину в розжарений пісок і чекали, поки з'явиться пінка. Треба встигнути підняти турку, щоб пінна шапка трохи опустилася. І тільки коли втретє утвориться над туркою густе коричневе диво, кава вважається готовою. Її розливають у маленькі філіжанки, а піна ще деякий час там домінує. Смакують каву маленькими ковтками, запиваючи холодною водою.

Хто там соромливо стоїть осторонь і заздрісно слухає мою оповідь про чорну сухумську каву «а-ля турка»? Це сучасні кавомашини. І нехай сьогодні в них засипають різні сорти кави, і нехай у кав'ярні вам запропонують каву «лате», «американо» або «повіденськи», далеко, як кажуть, куцому до зайця!

У Сухумі тих часів було і куди піти, і на що подивитися, та ми з донькою нікуди, крім моря, не ходили. Нам було затишно біля чуйних, доброзичливих людей. Марина, дружина чоловікового брата, пекла смачні рулети. Бабуся Дзаба, царство їй небесне, допомагала куховарити. Ніколи не бачила стареньку без діла. То просіває кукурудзяне борошно для гомі (мамалиги), то дрібно-дрібно кришить відварені телячі тельбухи, щоб приготувати якусь національну страву.

До столу подавали сухе домашнє вино і сулугуні. Це, так би мовити, константа, альфа й омега.

Майже щодня приходили родичі – двоюрідні і троюрідні брати з дружинами. Я так і не спромоглася достеменно запам'ятати їхні імена і розібратися, «хто кому Вася». Донька, навпаки, безпомилково розрізняла хто - сват, а хто – брат і не сплутала жодного імені. Ну, що ж, з роду не в воду, а в рід.

І от серед цієї пасторальної ідилії одного ясного ранку я побачила павука... Здоровенний, він був чорний і волохатий. Упевнена, страховисько сиділо й чекало, поки його побачать. Злякавшись, замахнулась на павука віником. Реакція в нього була миттєва: зник у шпарині між рамою і стіною. Опитала всіх присутніх – ніхто павука не бачив. Ніхто, крім мене! Так он воно що: це – прикмета. Чорна мітка. І означає вона, що моя хвора бабуса збирається полишити цей світ.

Треба повертатися додому. З важким серцем кинулась пакувати речі. Якимось дивом дістала квитки, і ввечері ми з донькою вже сиділи у швидкому. Їхати майже добу. Щось розповідаю дитині, а думки товчуться навколо бабусі...

Звали її Отилія. За національністю – латишка. Доля склалася драматично. Матір її, Магда, тобто моя прабабуса, вийшла заміж всупереч волі батьків за якогось революціонера. Після поразки революції 1905 р. він емігрував до Америки, покинувши дружину напризволяще. Народивши 1906 року доньку, Магда залишила її в рідної сестри зовсім маленькою. Казала – тимчасово, а виявилось – назавжди.

Одного разу Магда навідалась до сестри, привезла подарунки двом племінницям. Сестра запитала:

- А Тилі що привезла?
- Нічого, - відповіла Магда.

На біду, маля сховалось під ліжко і все чуло. Тітка дала якусь іграшку, сказавши, що це подарунок від мами. Та дівчатко мовчки, без сліз, відштовхнуло цяцьку і вибігло з кімнати. Маленьке серце сповнилося ненависті до рідної матері, що зрадила. За довге життя Отилія матері так і не пробачила.

Магда прожила більше 70 років. Отилія ніколи не зробила жодної спроби розшукати матір. Тільки дорослою мені випадково довелося дізнатись ім'я прабабусі. А сталося це так.

Придбали ми собаку, думали, як же назвати. Я запропонувала – Магдою. І раптом бабуса, яка ніколи й ні в чому мені не відмовляла і завжди потурала моїм витівкам, тихо промовила: «Не треба – Магдою. Так звали мою матір».

А доля продовжувала збиткуватись над Отилією. Тітка своїх донечок учить куховарити, плести гачком і на спицях, а племінниця – біля худоби, за наймичку служить. Чого сама підгляне, того й навчиться.

Згадую, сидить, було, телевізор дивиться, а сама такі рукавички візерунчасті на п'яти спицях плете, що ні в кого нема, тільки в мене. І шити вміла, і взуття зробити. Називали взуття – «коти», я в молодших класах у «котах» до школи ходила.

Квіти бабуса дуже любила. Мала на них легку руку. Не тільки навесні – серед спекотного літа пагоніць маленький у землю ткне, а він росте. По листю жоржин

визначала, якого кольору чи форми буде квітка, яка ще й у пуп'янок не в'язалась.

Відбулась революція 1917 року, громадянська війна вихором проминула. Почали Совети до хазяїв придивлятись. Накинули оком на господарство родичів Отилії. Як під утиски не потрапити? Треба з новою владою поріднитись. І поріднились: віддали сироту за червоноармійця. Тепер більшовикам до господарства – зась!

Багато ще було нерадісного в житті моєї бабусі. Із чотирьох дітей залишилась тільки моя мама – інші померли. Щоб уникнути вступу до колгоспу, швиденько розпродали все і виїхали на Донбас. А як війна почалась, дідуся одним з перших на фронт відправили, бо приїжджий. Усю Європу - пішки. Звільняв від фашистів і Будапешт, і Прагу, і Відень. Додому привіз оклуночок борошна, шовку парашутного дружині й доньці на сукні та австрійський велосипед, що ним нагородили за виконання якогось завдання (про це було написано в супроводжувальному папері). Хоч тут щастя усміхнулось Отилії – не вдова. І знову - важка праця.

Нелегке життя, та й те добігало кінця...

Устигла я. Бабуся вже не вставала. Два бажання було до мене в Отилії. Перше – щоб у Латвію з'їздила і привезла звідти землі на її могилу. А друге... попросила бабуся апельсинів. Вона, напевно, їх ніколи й не куштувала, а от перед смертю наважилась попросити.

«Ну то й що? Чи й не дивина – апельсини! Пішов – купив!» - скажете ви. Сьогодні – не дивина. Можна купити і турецькі, і марокканські, і заокеанські, а тоді, у 86-му...

Воронов Петро Прохорович, мій дідусь. 1945 рік

Оббігала я все місто – нема. Жодного! Корисних зв'язків з потрібними людьми не мала, а в магазинах, на базарі, в ресторані – нема й годі! Уже без усякої надії зазирнула до кафе «Гаяне». Пам'ятаєте, було таке біля Будинку торгівлі? Зайшла – і бачу на полиці в барі лежить апельсин! Я до бармена: «Продайте, прошу!» «Ні», - відповідає він. Як тільки не просила, навколішки ставала – не продав.

Отак і не виконала я друге бабусине бажання. Повернулась додому як побита. Боялась, що попросить старенька апельсин. Дарма боялась – не попросила.

Якби мене спитали, за що я ненавиджу Радянський Союз, то відповіла б: «За помаранчі для Отилії, що так і не знайшла»

27 грудня 2017 р.

ТЕЛЕФОННЫЕ НОМЕРА - ПО ЦВЕТУ

Заранее договорившись о встрече, всё же волнуясь: предстоит знакомство с человеком искусства. Много слышала об этой художнице, видела её работы, но встречаться не доводилось. Нажимаю кнопку звонка. Дверь открывает миловидная женщина, мама моей будущей героини, а сама она стоит чуть поодаль.

Говорят, первое впечатление – самое верное. Какой же показалась мне Аня Яшина? Юной и хрупкой, но отнюдь не слабой. Лучше всего о художнике расскажут работы, и я брожу по комнатам, рассматривая их. Картин

много, все они разные и по цветовой гамме, и по технике исполнения: пейзажи, этюды, жанровые работы. Каждая картина рассказывала об авторе по-своему, сама же автор была немногословна, как будто всё, что она хотела выразить, воплотилось на картине, и добавить к этому нечего.

Нет, Аня, конечно, тоже отвечала на мои бесконечные вопросы, но без доброго ангела, её мамы, мне пришлось бы нелегко. Говорим о детстве художницы. Первая учительница, Халфина Жанна Исааковна, узнав, что девочка увлекается рисованием, попросила принести рисунки и развесила их в классе. Это была первая выставка. Затем - изостудия, художественная школа.

Родители каждый год возили Аню и её брата в музеи Киева, Москвы, Ленинграда. В доме часто звучала музыка. Слушая музыкальные произведения, девочка говорила: «Эта музыка сиреневая, а эта – жёлтая». По цвету запоминала и телефонные номера.

После школы Аня поступила в Харьковское художественное училище. После окончания директор художественной школы Евгений Кочуев рекомендовал её как преподавателя в 3-ю школу искусств, где открывалось отделение живописи.

Работает Аня там уже 14 лет. Её ученики неоднократно были отмечены наградами на международных конкурсах рисунка. Ещё художница преподаёт академический рисунок и живопись студентам ДИТМа, специализацией которых будет рекламно-информационный дизайн.

Всё свободное время отдаёт живописи. Основное направление творчества – станковая живопись, но создаёт Анна Яшина и произведения декоративно-прикладного искусства: плетёт гобелены, совершенствует технику батика, расписывает посуду, экспериментирует в технике прессованной флористики. Человек творческий, она постоянно находится в поиске новых возможностей для передачи своих впечатлений на холсте, керамике, шёлке. В ход идёт всё: фрагменты пробкового дерева, осколки керамической плитки, шерстяная пряжа...

Анна Яшина. «Берегиня»

Анна Яшина. «Натюрморт с фруктами»

Анна Яшина. «Спящая красавица»

Анна Яшина. «Натюрморт»

Анна Яшина. «Грезы. Красный мотылек»

Анна Яшина. «Ромашки»

Анна Яшина. «Цирк»

Анна Яшина. «Цирк»

Приятно удивляет разнообразие стилевых решений в произведениях художницы. Например, триптих «Цирк», выполненный в технике батика, передаёт эмоциональное напряжение эквилибристов, музыкантов и клоунов за счет экспрессивной линии, пятна и насыщенной цветовой гаммы.

О картинах Анны Яшиной можно говорить бесконечно, но лучше на них смотреть. Было уже несколько персональных выставок художницы. Ее работы экспонировались в 2004 году в Киеве в рамках Дней Донецкой области во дворце «Украина». И снова в столицу отобрали триптих «Берегиня» и гобелен.

Работы Анны Яшиной находятся в Ялте, Луганске, Северодонецке, Харькове и в городе Силламяэ (Эстония). Краматорское кафе «Премьер» оформлено копиями Ван Гога, выполненными Анной.

Пожелаем же ей творческих успехов и будем с нетерпением ждать новых выставок.

КОЕ-ЧТО ИЗ ГРЕЧЕСКИХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

В 2001 году 31 я мая прилетела в Афины. Сначала поразило, что здесь ВСЁ НЕ ТАКОЕ, КАК У НАС. То есть, вообще всё! Иная музыка, иной язык, традиции, даже цвет земли, как толчёные румяна.

Известные нам комнатные растения (розы, пальмы, фикусы) здесь растут на улицах. Столетник я вообще не сразу узнала – свисая с балконов, он закручивался в бараньи рога.

У женщин, даже пожилых, длинные густые волосы. Многие девушки толстогады, что ни в коей мере их не смущает. После авто самым распространённым транспортом считается мотороллер. Среди потока машин часто можно увидеть даму весом под центнер в топике и плотно облегающих велосипедках, управляющую мотороллером. И ни тени смущения! Королева отдыхает!

Греки довольно космополитичны в отношении брака. Наблюдаю за парой на пляже. Он – классический грек: красив, строен, глаза синие. Она - скорее всего, из Малайзии, желтокожая, с хорошей фигурой и лицом..., к которому надо привыкнуть...

Женятся греки лет в тридцать и позже. Рожают первый раз в тридцать пять - сорок лет. Детей жители Эллады балуют ещё больше, чем славяне. В случае развода

дети нередко остаются с отцом. Женщине, как правило, не приходится просить деньги у отца ребёнка. Тот сам постоянно финансирует, выдаёт замуж или женит, покупает машину, оплачивает бензин и ремонт и т.д.

Много грязных машин.

Курят все и повсюду, без ограничения. Курят-то курят, а вот плевка на асфальте не увидишь. А если увидишь, будь уверен: плюнул иностранец. Куда у них слюна девается?

Собак держат мало, и они не очень ухоженные. А таких худых кошек я не видела никогда. Такое впечатление, что они на суровой диете.

Выходной у меня не целый день, а половина (или с 6.00 до 12.00, или с 12.00 до 24.00). Хозяева приходят поздно и утром долго спят – поневоле выбираю вторую половину дня. И то радость. Во-первых, их не видеть, во-вторых, в море окунуться.

На бесплатном, но очень приличном пляже познакомилась с украинками. Галя и Люба - из Тернополя, Аня и Ада – со Львова.купаются на этом пляже только самые бедные или недавно приехавшие в Грецию: украинцы, арабы, индусы и негры. Галя – психолог, двух детей оставила на мужа, дома не была два года, тоску

выливает в замечательных стихах. Дети очень скучают. Сын пишет: «Мамо! Мені здається, чим довше вас немає, тим більше я за вами скучив...»

Работает у пожилой супружеской пары. Дед ещё ничего, ходит сам, а бабка - лежащая и с головой не дружит. Каждую ночь рвёт простыни на ленточки.

Люба – кладовщик. Трое детей. Двое с мамой, а сын от второго брака живет с дедом по мужу. Тоже с хозяевами круглосуточно. На вопросы о работе отвечает: «Робота як робота. А як годують, я тобі анекдотом відповім. Приходить гість. Сидить-сидить, а господар нічим не пригощає. Минає ще якийсь час.

Господар: Будете молоко пити?

Гість: А де молоко?

Господар: Ну, не хочете, і не треба!

Аня в прошлой жизни была воспитателем в детском саду. Муж занял деньги и поехал в Бельгию на заработки. Там – не сезон, надо было переждать. Он переждать не смог, сел на велосипед и через Германию, Польшу приехал домой - худой, чёрный. Что делать? Заняла Аня ещё кругленькую сумму и поехала в Грецию долги отрабатывать, а муж собрал вещи и ушёл к своей маме.

СТИХИ ИЗ АФИНСКОГО ЦИКЛА

Пусть купаюсь в Эгейском море
И еду, и питьё хвалю,
Только кажется мне, что вскоре
Я намылю себе петлю.
Здесь и пальма растёт, и тополь,
И лимон – вот он, рядом со сливой,
Но величественный Акрополь
Не сумел меня сделать счастливой.

Афины. 23.06.2001 г.

Когда-нибудь настанет день один,
Я навсегда уеду из Афин
И распрощаюсь, Греция, с тобой.
Здесь хорошо, но Я ХОЧУ ДОМОЙ!

Афины. 3.07.2001 г.

Я вдома бути повинна восени,
А не далеко десь від України,
Щоб бачить, як жовтіють ясени
І червоніє кетяг горобини.

Афины. 2002 р.

ИЗ ДНЕВНИКА ЗАРОБИТЧАНКИ

(Пражские впечатления)

Прага. 2005 год.

6 марта. Приехали в 10.00. Добирались сутки вместо 17 часов. Автобус холодный. Водители – контрабандисты хреновы! Из-за них 6 часов стояли на польской границе. Слава Богу, встретил бывший ученик!

7 марта. Экскурсия по Праге.

19-20 марта. Фушка. Отель «Максимилиан». Лестница.

21 марта. Первый день работы. Проспала. Первый реальный заработок. За уборку квартиры заплатили 500 крон. Ещё подарили чайник «Kenwood» и угостили мандарином.

22 марта. Мету улицы. Со мной два чеха, Мирек и Карел. В работе, оказалось, есть два главных правила: во-первых, «працовать помалу» и, во-вторых - «вайглы – до каналу». Говоря по-русски, работать надо не спеша, окурки, если никто не видит, сметать в решётки водостока.

- А если пан ведуци (шеф) увидит, что будет?

- Да ничего страшного – оштрафуют на весь дневной заработок, - «успокоил» Карел.

Во время перерыва говорю, что «мам жизнь», т.е. хочу пить. Мирек, не видя особой разницы между «пить» и «выпить», ведёт меня на пиво в господу. Господа – это

пивная. В Праге - на каждом шагу. Что-то среднее между кафе и клубом.

Пиво «студэнэ», но Мирек уверяет – только таким оно и должно быть. Видела в парке белку («выверу»).

23 марта. Работала с Миреком. Он свистом подражает синице («сикорке») и она ему отвечает. Опять ходили на пиво. Положительно, сопьюсь...

24 марта. Сегодня устояла и отказалась от пива. Попросила «билу каву с цукром». Мирек выпил два пива. В парк бегали по три раза. Девочка из Горловки пообещала принести фотоаппарат.

Сочинила молитву. Настолько личную, что не привожу её даже на страницах дневника.

26 - 27 марта. Эти выходные – дивные: Великоноце (Пасха), и часы переводим. По причине праздника три дня свободных. Обещали фушку – не получилось. Каталась в трамвае по старой Праге, изучала город.

29 марта – 1 апреля. Ездила на Ольшанское кладбище. Полиция подсказала, где похоронены советские солдаты. Обошла весь мемориал. Очень много рядовых. Поразил возраст погибших – двадцать – двадцать пять лет... Даты смерти тоже наводили на размышления (8 мая, 9 мая, 19 мая, весь июнь, август 45-го...) До конца года ещё гибли или умирали в госпиталях наши ребята, защищая красавицу Прагу.

Дедушка мой, освобождавший столицу Чехословакии, рассказывал, что командование запретило использовать тяжелую артиллерию, чтобы сохранить

архитектурное величие города. Поэтому погибло так много пехотинцев.

Пережила личную трагедию: у меня забрали Мирека. Накануне жаловалась Богу, что послал мне хорошего «хлапа», но бедного. Господь решил по-своему: не такой – заберу. Так мне и надо! Приставили ко мне Пепика, который «грузит» баснями об Америке. Он пять месяцев был в гостях у дочери и теперь беспощадно делится впечатлениями.

2 апреля. Прямо около «Нью-Йоркера» проходил международный полумарафон. Бежать могли все желающие. Надо было видеть, насколько разные люди принимали участие в состязании! Всех возрастов и оттенков кожи. Худые и грузные. Кто шёл спортивной ходьбой, кто просто шёл. По обе стороны улицы стояли зрители и приветствовали марафонцев аплодисментами. Казалось, пробежали все. И вдруг вдали показался человек на костылях. Это был последний участник. Его сопровождала девушка, готовая в любую минуту поддержать необычного спортсмена. Им хлопали дольше всех. Только потом проехал автобус, полицейская машина и скорая помощь.

Пражский марафон – очень популярное мероприятие, проходит с 1995 года. Участником может быть житель любой страны мира. Победителями чаще всего становятся кенийцы. В этом году и среди мужчин, и среди женщин лучшее время снова показали представители Кении (Стивен Чепотт и Салина Косгей).

Купила фрукты: 1 банан – 1 крона, 1 груша – 1 крона. Дома я вряд ли смогла бы купить на 5 гривен 20

бананов или 20 греш. Короче, с голоду тут умереть сложно, особенно, если кто-то работает в ресторане.

10 апреля. Неожиданно для себя попала на фушку в «Hilton». Рада была увидеть коллег. Вот Алевтина по прозвищу «мать Тереза» - всем старается помочь. Прибежала Вита из Закарпатья. Она шумная и вздорная, но любая работа горит в её руках. Это с ней я мыла попельники – высокие пластиковые мусорные баки. Надевали резиновые сапоги, бушлаты и маски, ставили попельники на решетку и мыли их сначала сильной кислотой, а потом водой из шланга. Ну а что не отставало, тщательно отскабливали. Романтика, одним словом.

Узнала новости: выгнали Розу, тихую учительницу из Ровно. Нашли в сумке два пакетика чая. Есть мнение, что чай специально подкинули. Роза работала всегда молча. Участок у неё был нелёгкий – драила разделочные столы до зеркального блеска. Всем её жаль.

На черной мычке по-прежнему Вася. В прошлой жизни он был инструктором в автошколе. Чёрная мычка – это место, где моют огромные кастрюли, сковороды, противни из духовок. К утру всё должно блестеть. Вася – мужчина видный, и женщины оказывают ему знаки внимания, иногда неожиданно откровенные. На чёрной мычке можно разжиться едой. Вася не жадный, если есть что вкусное, сам предлагает. Сегодня было жаркое, рагу и мёд.

В 12 ночи меня ставят на «Мораву». Так называется один из ресторанов отеля, которых здесь много на каждом этаже. Официанты room service приносят посуду. Некоторые порции целые, не говоря о фруктах и

пирожных. Зову наших и угощаю – еда не на всех участках. В эту ночь нам достались такие вкусности: картофель фри с майонезом, салаты, кусок шоколадного торта, яблоки, апельсины, киви...

После ресторана Виту и меня послали мыть потолки. Мыли «падлами» – специальными швабрами на шарнирах. Поначалу такая швабра крутится-вертится во все стороны. Ну, падла настоящая! Подозреваю, что поэтому и назвали так.

29 апреля. Страстная пятница не задалась с самого утра. Именно в наш вагон зашёл блазень. Брюки спущены, как у ребёнка на горшке. Под ними, правда, трусы. Сел напротив и стал ковырять пуп. Мне сцена не понравилась. Хрен бы с ним, с блазнем, но это знак, что день будет нескучным. Так и оказалось.

Во-первых, нам выдали оранжевые комбинезоны, и все стали сильно смахивать на американских астронавтов. Видно нас из космоса, а значит, за любым кустом уже не присядешь, извиняюсь, пописать. Парков в Праге, конечно, много, но не за каждым же поворотом!

Во-вторых, мы с Миреком остались под присмотром пани Черной. Чехи называют её за глаза «Ежибаба» - Баба-Яга по-нашему, а мы – «феной» (сухой). Целый день изображали стахановцев. Вот не верь после этого в приметы!

17.05. Собрали нас в бригаду. Всего 10 человек (девять женщин и один паренёк, Миша из Закарпатья). Миша – пофигист, работает «не бей лежачего».

Дана – из Луцка, возраст – предпенсионный. Работает вместе с паном Чуяном, бывшим полицейским. Ему за 70, сдержан, интеллигентен.

Соня – из Ташкента. По национальности – татарка, по знаку зодиака – Скорпион. Дед, с которым работает, тоже хороший. Каждый день приносит ей по два яблока из собственного сада.

Света – из столицы Киргизии – Бишкека. В Праге – уже семь лет.

Лена – из Ростова. Тоже семь лет в Чехии. Пофигистка ещё большая, чем Миша. Дед, с которым работает, такой же ленивый, как она.

Аня – украинка из Энергодара. Работала с паном Ганькой. У него несколько «ходов» за плечами, но, по-своему, он Аню жалел. Теперь её отдали пану Коуржу. Тот «грузит» Америкой.

Люба – из Башкирии, но давно живёт в Энергодаре. Эмоциональная и упрямая, она говорит только по-русски, чешский не учит. Работает с Петером. Петер, в основном, молчит и старается держаться от неё подальше, а на все Любины речи отвечает всегда одним словом: «Завтра».

Таня – русская, из Казани. Очень умная и добрая, по-чешски, кажется, понимает больше всех, но говорит по-русски.

Яна Архиусова – чешка. С утра бывает странная, но к обеду её попускает, может даже поздороваться или заговорить. Работает вместе с паном Зузкой. По-моему, у них любовь.

27.05. И снова пятница. Я уже их боюсь, пятниц. В страстную пятницу ушёл Мирек, на стройку, кажется. В пятницу Карел работал бесплатно – оштрафовали его. А сегодня нас «попалили». В Карла вселился бес, и парень с утра стал наливать пиво. К обеду я насчитала 8 литров, но мне пришлось отлучиться минут на 30, а за это время Карел мог легко «уговорить» ещё литра полтора. Пустой желудок и жара (+31 в тени) – факторы, позволяющие представить состояние человека, который выпил минимум 10 литров пива. Потом наступил перерыв, и мы пошли в господоу. Господа – это не кафе, не ресторан, а таверна, абсолютно чешское заведение.

Карел заказал мне кофе, сбегал за мороженым. С нами за одним столом сидел Вадя, инвалид по слуху, зрению и разуму. Ему сорок лет, кличка - «Брылатый», т.е. «очкастый», или «Оптик». Мужчины увлечённо обсуждали достоинства национального блюда – кнедликов, игнорируя мои призывы закрыть дискуссию и отправляться работать, так как перерыв давно закончился. Когда я сильно надоедала, Карел задавал вопрос:

- Тебе что лучше: работать на жаре или сидеть в прохладной господоу?

- Сидеть в господоу, - честно отвечала я.

- Вот и сиди, - говорил Карел и возвращался к теме кнедликов.

Вадя ушёл, а меня не покидало чувство опасности. Опасность у нас одна – пани начальница Ярмила Черна. Её манера появляться ниоткуда наводила на мысль о потусторонних силах. Я ничуть не удивилась бы, материализуйся она из сигаретного дыма прямо на столе.

Сдал нас Вадя. Уже второй раз. И делает он это с такой детской непосредственностью, что на него даже обидеться невозможно. Прости его, Господи. А Карла выгнали...

14 июня. Вторую неделю мету улицы на Праге-1. Места - красивейшие: старинные часы, Карлов мост... Люди хорошие – чехи, цыгане...Украинка я одна.

Жарко. Хорошо работать с алкоголиками! Они сначала ищут, где выпить, а потом, где посидеть в тени. Сегодня мела с Боженой. Чудесная женщина. Хорошо со Стандой Поливкой работать - спокойный, но тоже любит пиво.

Уже прекрасно ориентируюсь в Праге. Сегодня показывала шведам, как пройти к Старой еврейской синагоге. Звоню дочке, хвастаюсь:

- Угадай, что я сейчас делаю?
- Пристаёшь к иностранцам, - без труда угадывает она.
- Я говорила с ними по-английски, и меня понимали.
- А что им ещё оставалось? – ответила моя добрая девочка.

9 марта 2008. Событий много, а пишу всё реже...

Женский день отметили замечательно! Была с Любой в пиццерии. Она предлагала идти к ней домоправительницей, но я собираюсь домой, в Украину.

10 марта. Ездили в горы около Либерец, поднимались на гору Ештедь (1012 м). Испытала разочарование - снег искусственный. Доцарювались! Так поколения через два никто и не удивится искусственным деревьям, траве, заводным сорокам и механическим зайцам...

11 марта. Была в итальянском и немецком консульстве. Что значит – документы в порядке! Могу на 90 дней ехать в любую страну Шенгена. Идя к итальянцам, выучила несколько ходовых фраз. Подаю в окошко паспорт и говорю на итальянском: «*Ecco il mio passaporto*». А мне из окошка отвечают: «Можно и по-русски...» Чёрт, не удалось повыделываться!

Познакомилась с болгарами: Стояном и его сестрой Мариеттой. У них магазин сувениров на Малой Стране. Стоян подарил диски с музыкой латинос и греческими песнями.

Накануне праздновали день рождения Людидиректора у неё дома. Финская водка, американские сигареты, душевная музыка. Wonderful!

12 марта. Была в литературном кафе на Salmovse. Пригласила меня знакомая переводчица Hanka Šechova.

Когда-то, три года назад, отдала мне Анжела, землячка из Красноармейска, одну фушку - хозяин уж больно противный попался. А хозяйка – Hanka Šechova – хорошая. Так я у них периодически убираюсь. Пани Чехова

– бард, аккомпанируя себе на гитаре, поёт песни, к которым пишет только музыку. Тексты ей поставляет друг, тоже переводчик.

Литературных кафе в Праге много. Мне посчастливилось быть в трёх.

Дважды приглашали на мероприятия от украинского посольства. На них рассылаются пригласительные в другие посольства, влиятельным знакомым и всем остальным, если останутся. В назначенное время приходят люди, улыбаются, восхищаются картинами, прочат художнику светлое обеспеченное будущее, разбирают бесплатные каталоги, пьют шампанское, закусывают орешками...

Первый раз я попала на выставку художника Плища. В другой раз была на презентации картин молодой художницы из Киева, в рамках культурного обмена Украина – Чехия. Если господин Плищ был со второй женой и общим отпрыском, то живописица «презентовалась» с мамой.

1 июня. Сегодня иду на дежурство в пансион. График - 12 часов (с 22.30 до 10.30). Утром кормлю постояльцев завтраком. Зарплата хорошая, да и поспать могу. А ещё там есть Интернет.

5 июня. Школа закончилась. Осталось выставить итоговые оценки и всё. Но что интересно, работая учителем в Украине, я после линейки стремглав летела, например, полоть гектары. Теперь - страна другая, эпоха

другая, а я, недослушав звона колокольчика на последнем звонке, бегу к Даше, т.е., ещё на одну работу.

Хоть «команчи» (так чехи называют коммунистов) правят, хоть демократы, у меня опять три работы. Карма, что ли?

СТИХИ ИЗ ПРАЖСКОГО ЦИКЛА

Кто Парижем, кто Прагой, кто Ниццей –
Мы отравлены заграницей.
Мы от Родины далеко,
Нам уже без неё легко.
Разбросала нас жизнь по глобусу,
И привычна точность автобусов.
Мы забыли про дефициты,
Все обуты, одеты, сыты,
Но когда шиповник поспеет
И рябина краснеть начнёт,
В наших душах что-то затлеет,
И приснится, вдруг, огород.
Там картошку сейчас копают,
Собирают и жгут ботву...
Почему-то (кто его знает?)
Москвичи захотят в Москву.
О жемчужине, что у моря,
Одесситы начнут скучать,
А дончане напьются с горя,
Вспоминая Родину-мать.

И, кляня бездарный парламент,
Экологию, всё подряд,
Будут думать: «А не пора нам
Бросить всё и вернуться назад?»

Прага 2007 г.

Волка я нашла, бредя на Запад.
Оглядела зверя не спеша:
Целы были все четыре лапы –
Оказалась сломанной душа.
Всюду ему чудились капканы,
Егеря да красные флажки,
Не хотел зализывать он раны,
Жадно пил и хлеб не брал с руки.
Как, библейских истин не нарушив,
Мне своим желаньям дать отпор?
Чем лечить ту сломанную душу?
Что мне делать с волком и с собой?

Прага. 2005г

В низинах погулял мороз,
А на холмах тепло держалось.
Что не сложилось, не сбылось,
То в нашей памяти осталось.
Красоты заграничных мест...
Увы, какая это малость,
Когда не видишь синь небес,
Где твоё детство начиналось.

Прага. 2006 г.

Подобна в Праге жизнь – отраве,
Но легче, если ловит взгляд,
Как по стальной октябрьской Влтаве
Неспешно лебеди скользят.
Как утки ссорятся, а чайки -
Открыто корм у них крадут.
А ну-ка, Влтава, отвечай-ка,
Как долго я пробуду тут?

Сетуешь, мол, тоска?
Не валяй дурака!
Все хорошо.
Пока.
Душа, говоришь, мается?
Ничего, оклемается.
Ты не знаешь, какая бывает тоска:
У тебя есть остров,
Над ним - птицы и облака,
И купить все можешь,
Даже в небе кусочек месяца.
А ты, как кость, себя гложешь,
Думая: «Вот прямо сейчас
пойти б и повеситься!»
Вот это –
ТОСКА!

19.08.2014 г. Barrandov

ОТВЕТ НА ВОПРОС ТУРИСТОВ:
«А ВЫ ЗДЕСЬ ЖИВЕТЕ?»

Я здесь не живу, я здесь срок отбываю.
И Прага – комфортная, в общем, тюрьма.
За что он – не знаю, как долог – не знаю,
Хотя приговор подписала сама.

*Работа в школе выходного дня при консульстве
Украины в Праге*

Необычная современная чешская скульптура

Работа санитаркой в клинике пластической хирургии

Мою посуду в ресторане

Подметаю Прагу с Таней Кувшиновой и Аней Кашиной

НА ВОКЗАЛАХ И ОСТАНОВКАХ

Истории, отрывки разговоров, не подслушанные, а услышанные в ожидании поезда или автобуса. Как говорили, так и записала.

* * *

На остановке стоят две молодые женщины и ребенок лет пяти. Из разговора стало понятно, что одна из них тетя мальчика, а вторая – мама. Тетя отошла, говорит по телефону. Мальчик смотрит ей вслед с жалостью и обращается к маме:

- Бедная наша Леночка.
- Почему?
- Ну, как же, у нее жениха нет.
- Ну и что, что нет?
- Ага, вот родит она ребеночка, как же она его одна воспитывать будет?!

Возвращается Лена. Племянник продолжает душещипательную беседу:

- Лена, почему Саша от тебя ушел?
- Полюбил другую девушку.
- Как можно разлюбить такую красавицу?!

Лена не отвечает. Мальчик, обеспокоенный личной жизнью тети, спрашивает:

- А ты Сашину новую жену видела?
- Конечно, видела.
- Он ее любит?
- Да, Ваня, любит.
- Но он же тебя любил!
- Ваня, это жизнь...
- И ты теперь несчастная!
- Почему я несчастная?
- Ну, жених от тебя ушел, ты болеешь, еще от бабушки уезжаешь. Вот я прихожу, а тебя никогда вечером дома нет. Ты ходишь мужа ищешь?

- Нет, Ваня, гуляю.
- Что, без мальчика!?
- Да.
- Гуляет она! Мужа там ищи!

Пауза.

- Лен, может, я на тебе все-таки женюсь?
- Нет, Ваня, мы с тобой об этом уже говорили.
- Но я же тебя люблю!
- Нельзя жениться на родных тетях.
- Лена, даже карлики женятся на высоких девушках!

«А я заміж молодою вийшла. Мати не пускала, казала, що рано. Та де там! Любов! Двоє діток одне за одним найшлося. Ми з чоловіком удвох на заводі робили. Приїду з дітьми на вихідні до матері в село, а в клуб піти хочеться. Я до матері:

- Мамо, посидьте з малими, а я в клуб піду... там кіно привезли.

А мати на онуків кивне та й каже:

- Он твоє кіно! Дивись, поки й очі стануть!»

КЕРОСИН

Дві жіночки після базарювання купили додому, чого треба, чекають на автобус.

- О, ти керосинову лампу придбала?! Гарна!

- Ага. Тільки на ній написано – «Гасова».

- У нас кажуть: «керосинова». Було мені раз із тим керосином... Онук на канікули приїхав. А на канікулах що? Гуляй та й гуляй. Кампуторів ще не було, слава Богу! Діти собі у футбол ганяли, на танці ходили, старші – танцювать, а менші – витрішки продавать. Тоді сядуть біля двору і гомонять до півночі, а вранці не добудишся. Нехай, на те й канікули, так, на лихо, керосин у село о сьомій ранку привозять, коли онук ще спить. Я дві каністри в руках не дотягну, рішила їх до лісапєда прилаштувать.

Онук мені обіцяв, що стріне біля двору. Налили керосину, помогли з каністрами на лісапед сісти і рушити. Їду потихеньку до двору, дивлюсь – нема Сашка, онука мого. Спить бісова дитина! Ну, що його робить? Зупинитися – так гепнусь разом із каністрами. Так я десь із півгодини по колу їздила і кричала: «Сашко, переймай!» Насилу догукалась!

- Трудно колись керосин доставався! Тепер хіба в газову лампу заливають.

- Ага, в керосинову...

- Прихожу на собрание к старшей дочери, а там все мамы молодые... а я уже старая...

- А ты вязанье бери с собой, чтоб на мысли не отвлекаться!

МНЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛА

Однажды попала на презентацию нового парикмахерского салона. Оказалось, там можно не только увидеть, но и услышать много интересного. Мастер-класс проводит известная в городе парикмахер Рита. Приглашает добровольцев. Нашлась одна. А дальше – реплики мастера:

- Вашу стрижечку можно ОТ ЭТО САМОЕ....

- Пальчиками ПРОЛАЗИЮ, а тут – ГОРЯЧИЙ СРЕЗ... КАПЕЛЮНЕЧКУ...

- Здесь все, КАК ЁЛКА... если у вас есть формы (указывает на «корму» клиентки), то и тут должны быть формы (указывает на голову)...

- Теперь нам надо все ровненько ИСПОРТИТЬ! ОБОЖАЮ ПЛОХИЕ ВОЛОСЫ!

- Самые большие заблуждения: «Я хочу, как у нее...», «Постригите меня, как Аллу Пугачеву..., как Шер Стоун (видимо, Шерон Стоун)...

- Если женщина В ШЛЯПЕ захочет короткую стрижку... ЕЙ УЖЕ НЕКУДА КОРОЧЕ, А ОНА ВСЕ ХОЧЕТ...

Официально я служила на ниве образования 30 лет. Оглядываясь назад, не припоминаю каких-либо существенных конфликтов, а потому уверена, что все ученики были хорошими детьми.

Некоторые - настолько, что о них хочется рассказать...

КОНЬ-ОГОНЬ

В школе Сергей был классическим разгильдяем и Божьей карой для учителей. Ему очень повезло с классным руководителем.

Вера Ивановна водила свой шевбутной класс в походы. Она, физрук по специальности, занималась исследованием «Слова о полку Игореве», а поскольку битва с половцами происходила где-то в наших местах, ученики проверяли версии на практике. И в Голой Долине,

и в Славянске на речке Макатихе, и еще Бог весть где искала стая тинейджеров следы битвы.

Поисковая работа никак не повлияла на Сергея. После 8-го класса он закончил профтехучилище, потом отсидел, вышел, купил себе небольшую мастерскую, и все последующие годы горожане знали его как хорошего сапожника. Он и жену сапожничать научил. И, как оказалось, не зря. Когда получил сильный ожог и долго лежал в больнице, вместо него работала жена.

И тут война...

Сын Александр ушел в ВСУ, был ранен. Прибыл на позицию 15 января, а 17-го – бой. «Братья» на штурм пошли, сильно наших «покрошили» - из 120 человек осталось 40% боеспособных.

Сергей пошел в военкомат и заявил, что хочет воевать. Заместитель военкома сказал, что его не возьмут, потому что сидел. Напрасно чиновник это сказал. Сергей обозвал заместителя нехорошими словами, пояснил, что судимость погашена еще в начале 90-х, и «нанес оскорбление действием». Короче говоря, из военкомата Сергея вывела милиция.

Сын подлечился в госпитале и отправился в свою часть для дальнейшего прохождения службы. А вместе с ним поехал и Сергей. В свой день рождения поехал, 9 февраля. Командир части выслушал просьбу, просмотрел документы и отправил в ближайший военкомат. Там документы приняли, неделю была спецпроверка, и 18 февраля 2015 года Сергей подписал контракт. До демобилизации. На неопределенный, надо полагать, срок.

Учебка запомнилась не трудностями в получении навыков, а несъедобной кормежкой. Например, насыпают во вчерашний гороховый суп вермишели – вот тебе первое!

28 марта были уже в Песках. Выдали оружие, расписался, отметили в военном билете. И вот он – старший стрелок боевой машины пехоты (БМП) 3-го батальона 93-й бригады. «Батей» стали называть, потому что сын у него в соседнем батальоне, да и по возрасту, Сергей большинству в отцы годится, «полтинник» почти. Задача была оборонять эти самые Пески. Первый бой – 4 мая. Труднее всего привыкнуть к обстрелам, но и к ним привыкаешь. В перерывах Сергей анекдоты ребятам рассказывал.

Вырыл блиндаж месяца за два. Иногда рыть помогали. Прибыли три молодых хлопчика из УНА УНСО. Сели двое из них с Сергеем в карты играть. Просто так – неинтересно. Решили на землю играть. Кто проиграет, тот мешок земли из будущего блиндажа наверх вытащит. Проиграли ему новобранцы столько мешков, что Сергей несколько дней только сидел-покуривал да за работой наблюдал.

Сослуживцы третьего хлопчика спрашивают: «А ты чего не играл?» Парень отвечает: «А я на Батины купола посмотрел... Нет, думаю, рисковать не буду». Сообразительный оказался.

О том, что Сергей в АТО, я узнала из Интернета.

На снимке он запечатлен вместе с Турчиновым (слева). 13 августа, после того, как гости уехали, два часа «грады», танки и минометы вели обстрел по нашим позициям. Лучше б он не приезжал!

Из Краматорска с ним еще двое были: Олег Задорожный и Руслан Панасенко.

Как с обеспечением: вода, продукты? Вода была, продуктов — полно, только есть не хотелось: летом трупный запах на передовой аппетит сильно перебивает. Сигареты в нос зачихнешь, чтоб не чувствовать...

А с одеждой плохо было. Однажды корреспондент иностранный приехал с переводчиком. Спрашивает, у вас что, разные войска: один - в английской форме, другой - в американской? Пришлось объяснить: у нас, кто что нашел - в то и оделся. Берцы, правда, были, только летом в них никак — ноги сгорят.

Пошел Сергей в один из разрушенных домов, отыскал тапки, в них и ходил. Командир увидел – стал выговаривать. Мол, проверяющий заявится, а ты – в тапках. А старший стрелок отвечает: «Нам летом кроссовки положены. Выдайте – надену!» Через несколько дней все получили кроссовки.

А в ноябре Сергея контузило. Взрывной волной отбросило метров на двадцать. Кровь пошла из носа, из ушей, из глаз, а осколка в теле – ни одного. На вертолете доставили в харьковский госпиталь. Там врачи говорили: «Лучше бы осколочное ранение. Мы бы осколки вынули, тебя заштопали – и порядок! А тяжелая контузия – это хреново и надолго, если не навсегда». Несмотря на болезненные манипуляции.

Сергей сыпал шутками-прибаутками, смешил весь медперсонал.

- Закрой ему рот, я пункцию взять не смогу! – орал медсестре хохочущий врач.

Сергей забеспокоился:

- Вы что? Пункция – это ЖОПА!

- А тебе и так – ЖОПА!- «успокоил» врач, не переставая смеяться.

Может, такой неунывающий характер и помог ему оклематься. Комиссовали, дали III группу. Поехал Сергей с документами в часть. Там докторша бумаги заполняет и все на него поглядывает.

- Что-то не так? – интересуется бывший контрактник.

- Все не так!

- ?

- С таким диагнозом не живут, - ответила врач.

- Так я же в год Огненной Лошади родился, конь-огонь! - отшутился, как обычно, Сергей.

Говорят, яблоко от яблони недалеко падает... Так и в этой семье. Сын героя предыдущего рассказа, что называется, пошел в отца.

Привожу далее статью о нем Евгении Мазур, журналистки Интернет-издания «24 канал», с любезного согласия автора.

РАЗВЕДЧИК: ЕСЛИ БЫ МЕНЯ ВЗЯЛИ К СЕПАРАМ, ТО ДАВНО ЧЕРВЕЙ КОРМИЛ БЫ

19:01, 17 января 2017 г.

История о том, как бывший "ватник", не сумевший попасть в так называемое "ополчение ДНР", стал одним из самых отчаянных защитников Украины.

Старший лейтенант, помощник начальника штаба первого батальона, начальник разведки 93-й бригады Александр Проскурин, по словам сослуживцев, отличается той правильной формой обезбашенности, которая не один раз позволяла ему сохранить жизни своих людей во время выполнения боевых заданий.

Сам он и про войну, и про полученные ранения, рассказывает настолько весело, что его рассказ воспринимается еще страшнее.

В интервью сайту "24" Проскурин рассказал, почему решил искупать вину перед Украиной кровью, как оказался

в ВСУ и объяснил, почему у него все получилось так, как должно было получиться.

Как твоя служба начиналась?

В армию я пришел в августе 2014 года, в добровольческий батальон "Донбасс". Всему этому предшествовали те события, которые начинались в нашей стране в марте этого же года. Я вообще не был сторонником Майдана. Ватник был страшный. То есть, у меня в голове и сознании были вот эти все вещи "Россия приди!" и "Путин – президент мира"... Три раза пытался попасть в "ополчение" в Краматорске.

Почему аж три?

Знаешь, постоянно, как Бог отводил. Первый раз пришел к ним – нет оружия, второй раз пришел – бланков нет, на третий раз тоже что-то не сложилось, сказали позже подойти. И через два дня в наш город заходит украинская армия. А нам же рассказывали что? Что украинская армия – это каратели, фашисты, бандеровцы, которые еще во время Второй Мировой войны боролись за освобождение украинского народа от советской власти, и сейчас опять к нам придут с такими же намерениями! Пропаганда со стороны России, в нашем городе, да и в большинстве восточных областей, как в то время, так и сейчас, действительно качественная. Мы, в плане информационной политики, им проиграли по всем фронтам.

Заходит украинская армия – и?

И я же жду, что сейчас уже виселицы на площади строить будут, начнут людей отправлять в трудовые команды на работы. Проходит день, два, три, четыре – а в городе ничего не происходит.

Совсем?

Ни-че-го!

Ну и после этого момента, я, как человек, который себя позиционирует здравомыслящим, задумался. Если ничего не происходит, значит, нам вдали. Потому что, если в украинской армии все действительно такие негодяи, как рассказывали, то хоть один какой-то эпизод – когда кого-то изнасиловали, убили, ограбили, зарезали – должен был быть. А его не было, ни единого. Начинаешь понимать, что, что-то тут не так, что тебя обманывали. Если тебя обманывали, то смысл одной стороне, которая борется за правду, врать? То есть, если они врут – значит, они неправы. Если они неправы, а я на это клюнул – значит, я – дурак, и надо искупать вину перед Родиной кровью.

Пошел в военкомат. Я же офицер запаса, в 2011 году закончил военную кафедру в Киеве, командир радиолокационной станции. Прихожу, говорю: "Добровольцев в армию набираете?". Там дядька сидит, на меня смотрит и спрашивает: "А ты против кого воевать собрался?". О, су*а! Я развернулся и ушел. В интернете тогда писали, что в Донецкой и Луганской областях мобилизации не будет. Посидел, репу почухал – надо же на фронт идти, если решил, нельзя же заднюю давать.

Так получился батальон "Донбасс"?

"Донбасс" чисто случайно получился. Смотрел в YouTube разную информацию, нашел ролик, где девочка по имени Маша, будучи в балаклаве, рассказывала про батальон "Донбасс". Потом, она снимает балаклаву –

смотрю, а она такая красивая оказалась! Сразу понял – надо идти в "Донбасс"!

Написал заявку. Через несколько дней перезвонили, сказали 18 августа прибыть в Курахово, дали список, что иметь с собой. Предупредили, что поначалу ни документов, ни оформления не будет. Согласился. Таким образом, я и все мои товарищи, с которыми сейчас воюем в одном батальоне, прибыли со мной в один день. Национальный порыв вот на тот момент был, да, сильный.

А потом?

Потом начинаешь понимать эту кухню. Начинаешь смотреть. Мы же люди, мы привыкли брать частные случаи и возводить их в абсолют. Допустим, увидел офицера-негодяя, и думаешь, что во всей армии офицеры – сволочи. Увидел, что где-то кто-то со склада что-то тянет, и думаешь, что во всей армии что-то тянут. Такой менталитет.

Нас за два дня, числа до 21 августа, набралось порядка роты – 100-120 добровольцев, успели сформировать три или четыре учебных взвода. Меня поставили командиром второго учебного взвода. Нас тогда на Иловайск чудом не кинули. Начальник разведки батальона затормозил ситуацию, потому что оружия на всех было недостаточно, а экипировки не было вообще.

Что было потом?

Потом мы начали кочевать с батальоном "Донбасс", как цыгане. Из Курахово – в Днепр. Затем должны были уезжать в Киевскую область на полигон Нацгвардии, но нас перевезли с одной точки Днепра на другую – в пионерлагерь имени Терешковой. Мы потом смеялись и

называли себя не батальон "Донбасс", а батальон имени Терешковой. К осени перевели на полигон 93-й бригады. К тому моменту уже началось расслоение.

То есть?

То есть, мы воевать хотели, действовать, принимать активное участие в освобождении и обороне своей страны, приносить пользу, а не быть на полигонах и ждать, когда, наконец-то нас отправят в зону проведения АТО, на войну. Все эти разговоры "когда же на фронт?". Хотя те, кто в казармах больше всего орал: "Нам бы быстрее до врага добраться, да мы им глотки порвем!", те, при первом же обстреле, сдулись – и все. Я потом эту закономерность частенько встречал – те, кто громче всего кричат, потом меньше всего делают.

Первая часть из батальона "Донбасс" перешла добровольцами в 93-ю бригаду к концу октября 2014 года. Тогда контрактников не было, желающих воевать – не было, а тут такой клад под боком! На нашей основе полностью сформировали одну контрактную роту, еще по старому штату около 100 человек, частично АГС-ный взвод и частично противотанковый взвод. Все это было сформировано тоже из добровольцев.

Когда выехали в зону АТО?

В январе 2015 года. В Донецкую область, в Очеретяное. В ночь с 16 на 17 января нам сказали, что мы едем на задание. Ехали-ехали, не пойми куда.

Местность никто не знал. Возможно, у командиров карта и была, но у взводных ее не было. Единственный ориентир – аэропорт. Он там, где стреляют. Переночевали в свинарнике каком-то, тогда

первый раз видел как "Грады" работают. Был такой мандраж. Даже не то, что страшно... Просто пока еще не знаешь, что это такое, оно так – уууууух! Интересненько, что ж это будет-то?

Переночевали, подняли нас в 6 утра. На дороге между Водяным и Тоненьким – это я сейчас знаю, что это Водяное и Тоненькое, а тогда, для меня это были неведомые дали: дорога, какой-то разваленный животноводческий комплекс, Юг – строго прямо и на 10 часов аэропорт находится.

Куда ехали?

Нам ставят задачу: "Мужики, надо взять под контроль Свято-Иверский монастырь возле нового терминала".

Нам разложили распечатанную гуглмеповскую карту, где-то метр на полметра, еще 2012 года. Если бы не взлетная полоса – я бы вообще не понял, что это такое мне показывают. Начали объяснять, мол, будет такая-то арт-подготовка, что артиллерия просто все сметет. Говорили: "Вы просто зайдете, зачистите помещение от сепаратистов, займете монастырь и держитесь, ждите подкрепления".

На вопрос, какой вид оружия может быть использован против нас, сказали, что там один, ну, максимум два крупнокалиберных пулемета и все. На новом терминале: нулевой и четвертый этаж не наши, все остальные – наши, прямо перед нами монастырь, потом, старая пожарка и полосатик. Оттуда, возможно, по нам могут работать, но там не больше ручного пулемета. Понятно? Понятно. Погрузились. Механизированная рота

без трех машин, плюс нам была дана танковая рота. Рота была поделена на две группы, в каждую входило по два танка и еще два – как резервные были. Обменялись частотами, проверили связь, все отлично, все нормально работает, едем.

Помню, что я по-походному ехал до поворота с трассы на метеостанцию. Я еду, что-то постреливает, интересно так! Потом поворачиваюсь – смотрю, уже все позакрывались, а я до сих пор лицом торгую. Вниз прыгнул, люк закрыл. Только мы выехали на взлетную полосу – как понеслось со всех сторон! Трах! Бах! Что происходит – ничего не понятно. Откуда стреляют – непонятно. У меня оператор начинает нервничать, вертится по сторонам, не понимает, где цель, куда стрелять. А чем больше возле меня человек нервничает и паникует, тем мне проще. Мне тогда проще собраться. Если возле меня человек будет спокойный как камень, то я сам буду нервничать. А тут же надо сохранять лицо, надо поддержать человека. Вот я ему говорю: "Сережа, не паникуй! Маршрут знаешь – движемся". Доехали. Одна группа полетела между диспетчерской вышкой и пожаркой прямо на монастырь. Наша группа должна была фланговый обхват делать, обходя диспетчерскую вышку справа.

И?

И танки нас бросили. Танкисты выехали на взлетную полосу, начался обстрел, танкисты не стреляют. Они потом рассказывали, что у них триплексы побило, и все заклинило. Короче, они развернулись и уехали. И мы такие стоим, типа, вот мы, здравствуйте! Стреляют откуда-то. У меня на 15-м снаряде клинит пушку. Потом пулемет заклинило.

Высадили нашу пехоту, но высадили не там, где нужно. Часть закрылась на диспетчерской вышке, часть на монастыре воюет. У нас пошли первые "трехсотые". Был там такой "Мерлин", он отправил людей пешим строем за БМП, две плотненьких колонны, они рядышком стояли. Прилетела 82-я мина, перелетела БМП, перелетела группу и упала в основании диспетчерской вышки. Ну, и всем по ногам осколками дало. Трехсотых было очень много.

Тяжелые?

В основном – да, с перебитыми ногами. Начали их грузить. Первых вывезли на метеостанцию к "правосекам". Это еще хорошо, что нам сказали, что они там. А то получается, что когда появились первые раненые, куда их вывозить – никто не знал. Никто не знал, где хоть какой-то пункт медицинский, где вообще начальство. Связи нет, заглохнула. Когда возник вопрос, куда раненых везти – вспомнил, что на метео были наши.

Поехали на метеовышку?

Да. Прилетели к забору метеостанции. Там с северной стороны была калиточка. При том, что в заборе плиты вывалены, куска нет. Не знаю, почему я, как порядочный человек, не стал ломиться в этот пролом, а начал стучать в дверь калитки. Вокруг все стреляет, а я стою, стучу, кричу "Эй вы! Тут раненые!". Нам открыли, мы давай их заносить. Загрузили "трехсотых", а они потом спрашивают: "А как вы не поперлись на пролом? У нас там все МОН-ками затянуты, вы, если бы туда пошли – вам бы вилы были". Короче, вежливость города берет.

Первое ранение как получил?

Мы еще, когда занесли первую партию раненых на метео, сепары нас заметили и начали обстреливать. До полубатарей 82-х, точно. Часто обкладывали, но так, не прицельно. А так как у меня нет опыта участия в боевых действиях, не знаешь, что происходит, то и не страшно, ну да, стреляют, ну да, свистит. Но вместо того, чтобы где-то пробежать, идешь себе такой франтом, не спеша. Вот я подхожу к этой калиточке, а тут вдруг свист такой пронзительный, что понимаю – летит в меня. То есть, это я уже потом додумал, а тогда на инстинктах просто щучкой за забор прыгнул.

Мина взорвалась на территории метеостанции, а у меня половина туловища перелетела забор, половина – осталась, ну и прилетел осколок в бедро. Хотя, тогда казалось, что просто куском земли по ноге лягнуло. Пощупал – крови вроде нет. Мы сделали еще ходки три-четыре, вывезли людей. Короче, за день, мы вывезли всех тяжелых раненных, а потом, в крайнюю ходку, забрали уже доктора, который отбился от своих, капеллана... В час ночи мы на Водяное поехали. Сижу, чувствую, что нога замерзла, холодно так... Снимаю штаны – а там крови где-то с ладонь напеклось, по подштанникам растеклась. Как раз доктор этот, которого мы вывезли, мне говорит: "О, дружок! Да у тебя осколочек!". Сделал мне перевязку.

До этого, я же войну видел только в фильмах, а там товарищи с осколками еще воевали по три дня. Ну, вот я прихожу к доктору, говорю: "У меня тут осколок в бедре, вроде бы нормально все, кость не задета. Вы мне его вытащите, и я обратно воевать пойду". Врач на меня посмотрел, сказал: "Ты дурак что ли? Поехали!". Я возмущился, мол, какое поехали, там фронт, там

люди гибнут! Врач велел закрыть рот, и таким образом я оказался в Днепре. 10 дней в госпитале, 10 дней реабилитации.

Итого 20 дней...

Да. Еще когда дома, в отпуске был, батя на меня посмотрел, и говорит: "Я тоже хочу на фронт". Позвонил одному товарищу, который у нас документами занимался, объяснил, что есть человек, который срочку не служил, но очень рвется страну защищать, через военкомат его не берут, можем ли мы его на контракт пристроить. А это – начало 2015 года, контрактников нет, в них острая потребность, поэтому тогда брали многих, лишь бы было кому хоть под танк с гранатой лечь.

Через 20 дней вернулся на фронт. Первые четыре дня было очень страшно! Просто паника, особенно когда стреляли, даже если было понятно, что оно не рядом ложится. Потом сказали, что надо поехать ребят с высоты поменять. Ну, надо так надо. Поехали, поменяли, вернулись. Подумал: угу, вроде ничего страшного. Потом еще раз поехали. А потом уже сам заступил на высоту. Позывной высоты "Пульсар", сепары называли "Муравейник". Мужики там своими руками сделали маленький Сталинград. Бывало, что до перемирия, до 14 февраля, там обстрелы продолжались по шесть часов, причем всем подряд. Сепары штурмом ее пару раз пытались брать, одного мы прямо там "срезали". Ну, что еще? Бэху сепарскую уничтожили на 8 мая, как раз под праздник. И себе, и им сделали подарок. Из ПТУРа.

Один раз на метеостанцию заехал русский полковник. Мы по перехвату слышали. Весна, обычный

день, сидим себе. С левого фланга сообщают, что БТР едет. Бегу туда, ложусь за наши ПТУР, стреляю и почти попадаю – если бы не куст, то ракета бы попала, а так – чисто в кустарнике взорвалась. По перехвату поняли, что там какая-то большая шишка едет. "Гиви" начал орать своим: "Полудурки! Не дай Бог с ним что-то случится!". После этого начали метеостанцию крыть со всего: АГС-ники "насыпали", минометчики, мы добавляли чего-то...

В общем, он там под обстрелом просидел, наверное, часа три. Но валить-то надо. Наши дали команду "Отбой, будет движение – начнете работать". Они прыгают в БТР, вылетают, я пускаю вторую ракету, а у них там механ от Бога был – он по газам лупанул и с ней разминулся, ракета мимо пролетела. Но ощущения вот эти – как будто на охоте, кровь, как шампанское пузырится. Ух, я тогда злой потом ходил! Не попал же!

Ну и до лета 2015 года был лейтенантом, командиром взвода, потом старлея дали, поставили начальником разведки батальона. Ну и так, в принципе, начальником разведки на Донецком направлении до марта 2016 был. Потом мы вышли, переформирование, Ширлан и потом – Луганская область.

И там ты получил второе ранение?

Да. Пошли на выход – в серой зоне, в районе 31-го блокпоста стоял фугас из зенитно-ракетного комплекса "Куб" С-125, если не ошибаюсь. Надо было фугас этот забрать. Пришли, начали забирать. А там пмн-ок было натыкано. Одну увидел, другие до этого у меня бойцы сняли.

Вот я ходил там, проверял и левой ногой на одну наступил. Бах! Упал, поорал секунд пять, потом думаю: "А чего орать? Ноги все равно уже нет". Поворачиваюсь, да, действительно, ноги нет, по голеностопный сустав оторвало полностью. И тишина такая, все подумали, что в нас гранату бросили. Говорю им, что на mine подорвался, надо валить – нам до сепаров метров 800 было, нас АГС-ами могли запросто накрыть.

Пытаемся отходить, мужики меня закинули, протянули метров 20, положили. Я говорю: "Минуточку! Давайте жгут наложим!". Достали, наложили, пошли дальше. Меня протянули еще метров 20, опять положили. Вспомнил, что у меня в разгрузке ИПП лежит, еще советского типа. Начали накладывать, один боец сначала наложил подушку, сделал виток, потом маленькую подушку, еще виток, и, как только он начал затягивать – я как заору, так он все сразу взял и бросил. Говорю ему: "Ты понимаешь, что я орать буду в любом случае? Разницы нет, мотай давай, пока у меня еще адреналин и не особо болит". Замотали. У ребят спрашиваю: обезболивающее есть у кого-нибудь? Нет, – отвечают. Ммм, думаю, отличненько – полтора километра по серой зоне! Они меня пока тянули, думал: "Господи, быстрее бы уже либо кончиться, либо пусть меня вырубят". Дотянули, прибежали пацаны с передовых позиций, носилки притянули, доктор подбежал. Короче, в Светличном меня закинули в машину медроты, начали снимать ИПП, стали накладывать израильскую, а ее затягивать надо. У меня уже начинается тремор, адреналин выходит, они мне что-то вкалывают, оно меня не берет, потому что кровь так быстро гоняется, что организм ничего не воспринимает. Доктор начинает перетягивать...

Я там чуть зубы себе не искрошил все. Потом была увлекательная поездка до госпиталя в Северодонецк, везли меня около четырех часов. Еще в самом Северодонецке водитель три раза спрашивал, как проехать в военный госпиталь у прохожих...

В госпитале стало легче?

Положили на стол, лежу, они начинают задавать сходу глупые вопросы: где родился, крестился, аллергии, звания? А мне уже настолько хреново, что я им обещаю все сказать, только бы не трогали. Говорю: "Вы меня вырубите сперва, а потом уже разматывайте, перематывайте. Что хотите делайте, только сначала – обезболивающее!".

И один докторишка разматывает мне культю, и поливает ее то ли бетадином, то ли еще чем-то. Ощущения были, как будто мне ногу в печку засунули. Я начинаю орать "Пидаы!!!". И они мне сразу маску на лицо, и что-то в вену быстренько – вжик! Помню, что я делаю вдох, вся картинка перед глазами уезжает на задний план, еще вдох – и полетел космос. Это было даже лучше, чем секс!***

Проснулся я еще до окончания операции. Думал, что мне все это приснилось, сейчас у себя в домике проснусь. Открываю глаза – белый потолок, куча света. Нет, не домик. Начинаю вставать, а меня сразу так за голову – хлоп. Спрашивают: "Ты тут?". Говорю: "Я тут. Я где?". Потом начал немножко истерить, мне опять дали анестезию, и я вырубился.

Проснулся утром, первым делом позвонил своему товарищу, механику-водителю, который на противотанковой мине подорвался. Ампутация у него была

такая же, как и у меня, звоню ему и спрашиваю: "Игорек, и как оно без ноги жить?". В общем, мы еще с ним посмеялись. На следующий день меня перевезли в Харьков. На тот момент батю уже комиссовали, но друзья у него остались служить, и они ему доложили, что мол, вот, Сашке ногу оторвало. Батя мне звонит с вопросом: "Что, ногу оторвало?". Я еще отморозиться пытался: "Нет! Все нормально! Что за пошлости вообще?"...

Как семья восприняла?

Матери вечером позвонил. Она нормально восприняла. Но у нас вся семейка такая, неординарная, скажем так. Шуточки в стиле "Здравствуй, мама, я с войны вернулся, но не весь – вот нога моя, на гвоздь ее повесь!" были даже еще до того, как мне ногу оторвало. Батя меня постоянно подкалывал, спрашивал, когда мне рубанок дадут, чтобы ногу вытачивал.

Подорвался я 4 ноября, день рождения у меня 26-го, и я девчонке своей заказал подарок – берцы "Corcoran Marauder", офигенные такие, с пластинами. Вот, ей звоню из Харьковского госпиталя, говорю: "Привет! Что делаешь?". Она как раз ходила подарок мне выбирала. Ммм, думаю, какая прелесть! Сообщаю, что у меня для нее сюрприз. Не сюрприз, а вкусняшка прям! Говорю: "Иди, садись в машину. Села? У меня все нормально, живой. В госпитале. Ногу оторвало. Только не реви! Все нормально! Я целый. Не реви!". Она молодец, нормально все восприняла, без соплей. Приехали они ко мне, повидали. В принципе, весело было.

Ты, кажется, тоже нормально ампутацию воспринял...

Я нормально к этому отнесся, и когда ногу потерял, и когда меня лечили. Очень благодарен врачам в Северодонецком госпитале. Меня приняла харьковская смена, они качественно сделали ампутацию. Вот они как закольцевали все – сосуды, ткани – так оно у меня и осталось, никаких реампутаций, ничего. Я на третий или четвертый день после операции перестал обезболивающее принимать. Когда в Киев приехал, и врачи узнали, что мне в Северодонецком госпитале ампутацию делали – обалдели. Они когда про Северодонецк слышат, думают, что там людей ржавой пилой "Дружба" перепиливают.

Сейчас вот думаю: если бы меня взяли к сепарам, то либо давно червей кормил бы, либо, может быть, вместо Эдьки Басурина сейчас рассказывал, какие мы фашисты и как мы обстреливаем мирный Донецк. А так, все получилось, как должно было получиться.

Автор: Евгения Мазур

Фото: Эдуарда Крыжановского

Источник статьи:

https://24tv.ua/razvedchik_esli_byi_menya_vzyali_k_separam_to_davno_chervey_kormil_byi_n771794

Александр Проскурин. Фото из личного архива

Награды – герою

Снова – в строю!
Фото: Вики Ясинской ("Цензор.НЕТ") и
Администрации Президента Украины

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Опало листя, але є бруньки,
Тендітні ж, а морозу не бояться.
Що не змогли ні стовбур, ні гілки,
А їм то вдасться, дуже вірю: вдасться!
Хоч гайвороння буде їм кричати:
«Зима вас знищить, снігом занесе!»,
Бруньки уміють зим не помічати,
За це їм доля дозволяє все.
Нехай є листя, пагони і квіти,
Бруньки ж наївні, щирі, молоді.
Вони, як діти, українські діти,
Що мерзнуть, а протистоять біді.
У Києві, у Львові, на Майдані
Нам у Європу прокладають путь.
І вороги вже не скують кайданів,
Вовіки Україні вільній будуть!

Грудень 2013 р.

Мне перестали сниться артобстрелы.
Еще б забыть войну, как страшный сон,
Испуг на стеклах окон уцелелых
И, словно бритвой, срезанный балкон.

Была война, а люди жили:
Женились, на базар ходили,
Надеялись – поможет Бог.
Зятьев ругали и невесток,
И уклонялись от повесток,
Кто мог.

Таким был «русский мир» в Краматорске

Киевское управление Государственной фискальной службы сообщило, что за 2017 год количество миллионеров в столице Украины выросло в два раза: «У нас уже 200 миллионеров, хотя в прошлом году было 100»

Ми робим гроші на війні.

А ви ще НІ?

То ви – дурні!

І на сльозах, і на крові

Ми заробляєм – се ля ві.

Нехай триває ця війна,

Нам дуже вигідна вона.

Березень 2015 р.

Не буде вічною війна,

Колись закінчиться вона,

І залунає пісня.

Ростимуть доньки і сини

Й життя ділитимуть вони

На «до війни» і «після».

НА СМЕРТЬ ПРИНЦЕСИ ДІАНИ

31 серпня, о четвертій, так рано,
Від життя круговерті утекли Ви, Діано.
Зухвала, тендітна, жіночна,
Та все ж ніде правдоньки діти:
Смерть матері – тяжкий злочин,
Коли залишаються діти.
Тікали від кореспондентів,
Щоб не було компроматів.
Краще хай би їм був прецедент той,
А сини б Ваші мали матір.

31 серпня 1997 р.

Я люблю подсолнухи,
Я люблю звоночки
И еще, конечно, милый Карлов мост.
Не люблю я олухов,
Над I ставить точки
И когда мне, Скорпиону,
Прищемляют хвост.
Я могу ужалить,
Я могу скандалить
И понятно, к миру будет путь не прост.
Но хочу, чтоб знали:
Лечит все печали
Бесконечно милый сердцу
Карлов мост.

Я вірю, що цигани були в роду моїм,
Шлях невідомий манить,
Лишаю отчий дім.
І доля мандрівная
Знов кличе в дальню путь.
До речі, помагає
Всі прикрощі забуть.
Хай завірюха виє,
У вікна загляда,
Ох, як я розумію
Вас, пан Сковорода!

12 грудня 2017 р.

СОДЕРЖАНИЕ

Рецепт счастья от мамы	2
Через тернии – к счастью	8
Жила-была Мария	14
Судьба как история	22
Жила, як усі жили	26
Как это было	30
Галина Школа	34
Мой прадед Дуков Григорий	38
Музыкант в эпоху перемен	42
Любины бабушки	46
Здравствуй, бабушка!	50
Как умирала баб ушка Шура	55
Звездарики на красном шарике	60
Однажды в 90-х	64
Контра	66
И дальше по тексту	72
Болид по шимени Люська	85
Реплика Диора	92
Тили-тили тесто	113
Как мы делаем газету	118
Подвиг танкиста	122
Помаранчі для Отилії	124
Телефонные номера – по цвету	131
Кое-что из греческих впечатлений	143
Стихи из афинского цикла	147
Из дневника заробитчанки	149
Стихи из пражского цикла	160
На вокзалах и остановках	169
Конь-огонь	175
Разведчик: если бы меня взяли к саперам, то давно червей кормил бы	181
Стихи разных лет	199

Литературно-художественное издание

Элла Озоле
Реплика Диора

(На русском и украинском языке)

Художественное оформление:

Алиса Иванова, Екатерина Ткачева, Ирина Гугленко

Подписано к печати 19.11.2018

Формат 60x84x16

Бумага офсет

Тираж 200 экз. Заказ № 1119